

ОЛЕТ ОН

ТАКОГО ЛЕПСА!

или ПОДУШКИ ТУТ НИ ПРИ ЧЁМ!

АНТИНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

КНИГА 2

Олег Он ТАКОГО ЛЕПСА! или ПОДУШКИ ТУТ НИ ПРИ ЧЁМ!

<https://litres.ru/74354183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Началось всё со странных птиц, которым ушлая тётя Роза определила судьбу: тушки жрать, яйца продавать, перья в подушки пихать.

А потом люди ни с того, ни с сего стали мутировать и даже липнуть друг к другу. Нет, конечно, никакой пошлятины, только биология! Ну, ещё чуток генетики и психологии.

Журналист Симеон Борзой пошёл искать виноватых и заблудился. Старый шаман Сом пошёл искать закономерности и забыл, что потерял. А его ученик Стасян пошёл искать приключения и такое нашёл, чтоб мы все так жили!

Что нашли? Военных с секретными экспериментами, чиновников с распилами, торгашей, прилипших к гешефту, шпионов с разоблачениями. Но не нашли, где заканчивается один человек и начинается другой.

Это сатирическое расследование о том, как люди решили управлять природой, сознанием и друг другом — и в какой-то момент обнаружили неприятную техническую проблему: нам всем пупок!

Теперь осталось всё это разгрести. Разумеется, строго по правилам антинаучной и антиполитической фантастики.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Наистраннейшее событие	14
1	14
2	29
3	40
4	55
5	68
6	76
7	85
Часть 2. Наистраннейшая болезнь	95
1	96
Конец ознакомительного фрагмента.	110

ТАКОГО ЛЕПСА! или ПОДУШКИ ТУТ НИ ПРИ ЧЁМ!

Пролог

На Пипининском архипелаге, в море Тартарском, среди чудесных лесов и гор всё шло своим чередом. Давно прошли времена ссор пип римских и мим аглицких, миновали потопы, утихли вулканы, отступили ледниковые периоды. Жить бы да жить. Но нет!

Очередные свидетели конца света злорадно потирая ладошки наострили ушки и, открыв рты, приготовились вкушать светопредставление.

Началось. Именно здесь, на архипелаге. Странности, которые позже назовут самой необычной психодемией и мутадемией в истории Земли, не просто напугали, а перестроили часть человечества.

Только в таком колоритном месте — с налётом недогламурного идиотизма и саркастичного пофигизма — могло появиться нечто, сумевшее изменить человечество.

Кому-то могло бы показаться, что никакая зараза не при-

липнет ни к Зите и Паразите, ни к тётё Розе Махно, ни даже к Мойше Хрюковичу Тошноте (тот самый житель Сарая с мозгами куродятла, о чём свидетельствовала даже всемирная книга Конецца)... Вообще к кому бы то ни было на Охотничьем острове. К таким персонам мало что липнет, кроме кэша из закромов родины. Казалось бы.

Но что-то прилипло! И не только в переносном смысле.

Они ведь не верили. И вы не верьте! Вы проверьте!

И как обычно всё началось с апокалипсиса, иными словами, через разоблачение, через срывание покровов.

И кто же мог это сделать?

Кто же ещё кроме Симеона Борзого?

Его масштабная статья в газете «Альтернатива мышьиной возни» и в неправительственном журнале «НАША НЕРОДИНА» произвела именно тот эффект, какой обычно производит бомба, но здесь уместнее — петарда, если её уронить в курятник: все закудахтали, взлетели, переполошились, но при этом каждый решил, что понимает происходящее лучше всех.

Статья называлась сдержанно, почти интеллигентно:

«Пипининский апокалипсис: секретные материалы к вопросу о распаде человека и торжестве неведомой хрени».

Подзаголовок был, как и положено Симеону, скромнее некуда: «Свидетельства, документы, показания очевидцев Соснового острова, а также немного того, что власти предпочли бы утопить в сортире».

Читали все.

Даже те, кто обычно газет не читал, а только заворачивал в них сушёную воблу и щелёдку, вдруг обнаружили в себе повышенный интерес к журналистским расследованиям. Тем более что статья была снабжена архивами с потрясающими фактами: фотографии и видеоматериалы мутантов, документы и свидетельские показания о катастрофе. Не всё было снято качественно, так как петличная камера часто тряслась вместе с бегущим, падающим и сидящим в засаде репортёром или его сокомандниками.

В статье фигурировали двое жителей Соснового острова — под вымышленными именами Пипа и Попа. Но вымышлены были только имена. Всё прочее было настолько узнаваемо, что кое-кто, дочитав до середины, нервно налил себе настойки, кое-кто — перекрестился, а кое-кто, как Зита и Паразита, немедленно побежал пересказывать статью в перевернутом виде, приписав ей ещё страниц двадцать того, чего там и близко не было, и, плюс ко всему, они ведь были соавторами и главными свидетелями. И надо весть эту разнести по секрету всему свету. Ибо бомба должна греметь!

Симеон писал:

«Видел я того мэра. Жуткое дело, скажу я вам. Не начальник, а гипнотизирующий административный кошмар. Вид у него был такой, будто сама власть решила сойти с ума, обрасти чем-то органическим, дополнительными руками, лапами и словами, получить полномочия и начать питаться избира-

телями. Во всех смыслах! Пассажиры парома, кстати, имели удовольствие наблюдать, как это существо поглощает людей без всякого уважения к уголовному кодексу, санитарным нормам и даже элементарному приличию».

А дальше следовало ещё лучше:

«Ночные же обитатели острова, которых в официальной документации можно было бы обозначить как “лица с выраженной утратой человеческого формата”, а по-простому — мутанты-упыри не умеют толком говорить, зато танцуют. Причём взаимодействуют они с лепсами (да-да, теми самыми полупевчими полуразумными птицами), которых многие воспринимают лишь как забавную оплошность эволюции. И танцуют вместе лепсы и упыри не ради искусства, а в попытке вернуть некоторым кровососущим особям человеческий облик. Не знаю, удаётся ли им это, но зрелище при луне выходит такое, что после него даже трезвость не помогает».

Намекнул в своей статье Симеон Борзой и на причастие ко всем загадкам Соснового острова троицы неназванных генералов — любителей легкодоступных денег да дамочек. Масштабы коррупции, начавшейся на архипелаге ещё около двадцати лет назад оставляли простор для воображения, но кое-какие материалы уже заставили задуматься о целевом использовании средств. Причём соучастие в освоении немалых сумм принимал участие тот самый мэр, мутировавший до такого состояния, что вместо банальной коррупции он теперь предпочитал коррупцию биологическую, моральную и

интеллектуальную...

Борзой обещался назвать всех сопричастных поимённо в следующей статье, когда будут собраны оставшиеся материалы.

«Согласитесь, всегда проще отвечать на вопрос «кто виноват?», чем на вопрос «что делать?»»

В этом принципе неопределённости сейчас приоритетным является второй вопрос, так как процесс стал неуправляемым, мутации на пороге, и нам стоит ждать не просто катастрофы. Мутадемия? Всё уже выходит за пределы Соснового острова. Это будет нечто грандиозное и совершенно непредсказуемое.

А ведь мутанты Соснового острова столь неоднозначны, что мы даже не можем себе представить последствий. Просто подумайте, что нам грозит: мы можем перестать быть людьми в нынешнем понимании человечности. Просто задумайтесь!»

Эти строки были перечитаны, заучены, перевраны, осуждены, прокляты, перепощены и растащены по всему миру быстрее, чем обычно расходятся слухи о разводе в неблагополучном семействе пошлых и бездарных, зато вполне скандальных исполнителей околмузыкальной индустрии, типа Полипа и Пенепопы Кринжановских.

Многообещающая и весьма интригующая приписка «Продолжение следует и главные разоблачения тайн и секретов, развитие событий ждите впереди» взбудоражила всех.

Страх и любопытство — двигатели человеческого внимания. На них и опирался Борзой.

Статья Борзого стала искрой, но пламя зажглось даже не там, где проводил своё расследование журналист-авантюрист, а там, где всё выглядело ещё не катастрофой, а праздником и балаганом. Всё это началось — на Охотничьем, в тот самый что тринадцатый День Пылесоса.

Этот достославный День проходил под влиянием лепсовой лихорадки. Нет, не болезни от лепсов. Это была болезнь от корысти, наподобие мифической допотопной золотой лихорадки.

Не ведая последствий наша вездесущая тётя Роза запустила забой замечательных птиц — лепсов — в промышленных масштабах, и чуть ли не сразу это стало отдельной отраслью экономики архипелага. Медики, химики, фармакологи и антиквары охотились за разными частями лепсовых тушек. Хоу Пи Дзуй, например, продавал органы и кровь лепсов, весьма полезные в деле омоложения организма. Иностранные коммерсанты наладили логистику и сбывали лепсовые товары по всей Земле. На лепсорынке царил дичайший ажиотаж.

— Люди думали, что набивают подушки лепсовым пухом, — сказал как-то доктор Пупельшнауцер, аки большой шар вкатываясь на авансцену и открывая занавес. — А чем на самом деле? Из-за дурацкой привычки превращать всё в товар, чем они набили своё подсознание?! Кто мог знать, что

именно это станет триггером невиданных изменений? И кто бы мог подумать, что тётя Роза впоследствии станет первой жертвой странного явления на нашем острове?

Предчувствие общей беды однажды посетило неизменных сплетниц Зиту с Паразитой.

— Не время спать! — орала Зита.

— Долой подушатников! — выла Паразита.

— Смерть подлым лепсолигархам!

— На кол их!

— Подушки и перины опасны для здоровья!

— Выбрось подушку — получишь игрушку!

Вздорные старухи требовали от всех добропорядочных граждан выкинуть все подушки и перины. На их чудной перформанс даже повелись несколько обывателей и выбросили.

Потом выяснилось, правда, что старух просто-напросто надули: подсунули подушки и перины не с лепсовым пухом, а фальсификат — с куродятловым и даже с кошачьим, собачьим и дзобачьим пухом. Выяснилось это после того, как Зита своим любопытным и острым носом проколола подушку, и оттуда посыпались не пёрышки, а клочья шерсти по цвету похожие на шерсть псов, обитавших возле клуба «Невухо-доносер».

Оказалось, что это тот самый Пи Дзуй решил подзаработать на ажиотаже и придумал столь простую схему. Но добиться от него возврата старухам не удалось, так как он смылся на материк, и уже там продолжил своё обогащение.

Зита и Паразита быстро закончили свою акцию, а выброшенные обывателями перины и подушки неожиданно пропали в неизвестном направлении.

Старые сплетницы тарасили глаза и причитали:

— А кто ж это сделал?!

— Это происки Нюрона Печень!

— Тётя Роза всех отымела!

Стрелки перевели, и были таковы. Так сказать, компенсировали свои потери.

Тем не менее этот случай в некоторой степени повлиял на общественное мнение, и некоторые всё-таки встревожились и отказались от товаров из лепсов.

Но повернуть маховик не удалось.

Чиновники заболтали или попросту заигнорили тему лепсов, не признавая никаких рисков. Ведь лепсов развелось так много, что чиновники всех уровней разрешили их совершенно безнаказанный отстрел.

Начало катастрофы оказалось незаметным и каким-то даже потешным. И почти никто не понял, что это катастрофа. Да и вообще никто особенно не задумывался над происходящим, некоторые люди вообще стараются задумываться реже, чем стоило бы.

Впрочем, стоило ли называть это катастрофой? Или правильнее было бы обозначить это как возникновение нового?

Об этом и будет наш рассказ, лепс нас подери!

Часть 1. Наистраннейшее событие

1

То, что всё началось именно в День Пылесоса, впоследствии было воспринято как необычайный и крайне неблагоприятный знак.

— Символичненько! — говаривали вездесудающие Зита и Паразита. — Следите за тётей Розой и её любовничками! Это они во всём виноваты! С них и станется!

Почему они и в чём конкретно, конечно, старухи умалчивали, но посев тревожных слухов свершился, и сытые старухи бежали дальше сеять панику.

Кто бы знал, что старухи-сплетницы окажутся в каком-то смысле пророками.

В жизни острова День Пылесоса был одним из важнейших праздников. Шёл уже сто тринадцатый год с того времени, как Ветхий Сыч, предок Дырявого Сома, обнаружил на берегу загадочный пылесос, положив тем самым начало новой эре в жизни острова. Заметим также, что Дырявый Сом, несмотря на прямое происхождение от Ветхого Сыча, всё-таки не был популярен в городе — хотя это было бы вполне уместно ввиду его родословной. Эта непопулярность усугублялась тем, что нашёлся, как обычно бывает в таких слу-

чаях, человек, который, не имея способностей совершить что-то значительное, решил поддерживать собственную значимость именем великого предка и вылезти из грязи в стразы.

Это был брат Дырявого Сома — Широкий Бу.

В отличие от своего двоюродного брата и троюродного дяди, Широкий Бу был человеком очень общительным. Главным же его личным достоинством было умение никогда не говорить людям правду в лицо. Сам он, конечно, называл это иначе: талантом делать комплименты.

Похвалы и лесть он расточал всем мало-мальски значимым ничтожествам, которые, разумеется, неизменно присасываются к великим мира сего, что даёт доступ к кормушке власти. Широкий Бу умудрился жениться на дочери мэра, за чем, конечно же, последовало его избрание в число первых людей города — в Городской совет.

В отличие от предыдущих празднований было много лепсовой тематики.

— Помимо украшений в стиле пылесосания важно украсить город лепсолетением! — была дана установка исполнительным властям.

Нарядно одетые горожане большой толпой явились на тот самый берег, где когда-то был найден легендарный пылесос. Тут уже всё было готово к празднованию. Все... нет, почти все, кто должен был участвовать в представлении, уже облачились в карнавальные костюмы. На трибуну взошли все...

нет, почти все виднейшие горожане.

Не было видно только троих знатных горожан: тёти Розы Махно, её мужа и По Ивановича.

— Мы же говорили! — громко на всю улицу шептала Зита.

— Эти махновцы испортят праздник! — шипела Паразита.

Центральная трибуна, где разместились гости праздника и репортёрский корпус, была установлена неподалёку от богатого квартала Жориных Пипугеев, где, кстати, проживали и Махно-Забубённые, и По Иванович.

Передвижная трибуна, на которой размещались все самые уважаемые, знаменитые и богатые граждане города, в этом году висела в воздухе. Её нёс дирижабль, конечно же, выполненный в форме огромного пылесоса.

Несмотря на то, что на празднике присутствовал гость из администрации президента: Н.Н.Инкогнитто. Говаривали, что сей чрезвычайно влиятельный персонаж всегда каким-то чудом умудрялся оказываться там, где вот-вот должно было что-то случиться необычное. Ещё говаривали, что тётя Роза имела секретные контакты с Инкогнитто, настолько секретные, что все посвящённые в этот секрет, понимали, что гость будет нервничать, если самая обаятельная и привлекательная леди города не явится на праздник.

Мэр города, естественно, боялся, как бы со стороны Инкогнитто не воспоследовали действия по изменению полити-

ческой обстановки — и не в пользу самого мэра. Тем более, что этот влиятельнейший человек сказал мэру по приезду:

— Политик всегда думает и решает совсем не тем местом, что простые граждане, и даже не тем местом, что человек разумный. Ведь своих кресел политик добывается не головой — кто же будет сидеть в кресле головой вниз? Политики, вероятно, вообще выродились в особый вид граждан. Когда для человека важнее то, на чём он сидит, тут уж головой рассуждать нет ни возможности, ни надобности. Потому не разочаруйте меня! Покажите себя с иной стороны.

Мэр был прирождённым чиновником, даже имя его было характерно для бюрократа: Суринн-Корр Упсофф. И он, как и все ему подобные, считался технократом и хозяйственником. Действительно, всё он делал весьма технично и похозяйски: пришёл, увидел, распределил, присвоил, освоил и т.д. Но так, что никто и не подкопается.

У него была одна особенно значительная черта: чистые руки. Не то, чтобы он взятки не брал — совсем наоборот! Просто руки он постоянно мыл и чистил. Не в том смысле, что он постоянно торчал возле умывальника, а в том, что в некоторых щекотливых ситуациях он чрезвычайно удачно умывал руки. Хотя походный умывальник всегда за ним носили его секретари.

Для нашего мэра, как и для любого бюрократа слова «ответственность» и «брат» отстояли очень далеко друг от друга. Брат он любил, а ответственность, по правилам менедж-

мента, надо вешать на других. А на крайний случай всегда сгодится какой-нибудь козёл отпущения.

И именно этому прохиндею с чистыми руками предстояло разруливать всю эту катавасию.

Мэр неоднократно посылал за пропавшими, но телефон По Ивановича не отвечал, а муж тёти Розы, Тудор Муфтович Махно-Забубённый, не знал, где его жена, жутко волновался, ругался и приходил на праздник в праздничном настроении отказывался.

Упсофф снарядил двоих полицейнеров к дому По Ивановича, потому что в такой ситуации недолго было и до скандала, а во время праздника скандалов, конечно же, желать могли только Зита с Паразитой. Потому к сплетницам приставили дополнительного полицейнера в штатском.

Ждать По Ивановича было необходимо ещё и потому, что именно он должен был играть роль Пылесоса. Его костюм главного Пылесоса из поролонa одиноко висел в гримуборной. Все прочие костюмы уже были надеты на соответствующих исполнителей, и они, потные и злые, кидали проклятия всеми пупками мира в адрес прогульщика.

Прождав положенные пятнадцать минут, решили отдать важнейшую роль Стасяну. Он, как назло, случился тут под рукой. Кроме того, роль досталась ему ещё и потому, что он происходил из семьи, связанной с пылесосом тотемным родством. Это отдельная легендарная история, заслуживающая отдельного и достаточно утомительного повествования.

Одним словом, нашему герою отвертеться не удалось.

И он оказался добровольно-принудительно впихнут в костюм, провонявший праздниками настолько, что слово «дышать» тут вообще ставилось под сомнение. Эти жуткие запахи не выветрились ещё с тех пор, как три года назад один почётный гражданин, пожелавший остаться неизвестным, до того накачался веселящей настойкой «Пылесосень» из корней дерева вау-вау, что в самый щекотливый момент сходил по-маленькому, не выходя из костюма. Не помогли даже многочисленные стирки, которыми занималось всё женское население города в течение двух лет.

После того как нашли замену, мэр дал отмашку.

Церемония открытия Дня Пылесоса началась.

Как обычно, мэр и Широкий Бу начали с патетических патриотических речей: о том, чем явился в жизни города тот достославный день, какую важнейшую роль сыграл пылесос для будущего не только города, но и всего мира, а также о том, как жители города вносят неоценимый вклад в культурную и научную жизнь не только страны, но и всей цивилизации...

Не станем приводить полностью все слова и речи первых лиц города и вдаваться во все глубинные смыслы этих словесных потоков, орошавших патриотические сердца горожан своим высоким пафосным слогом.

Выдержать это испытание народ смог исключительно потому, что за спинами выступающих происходило цирковое представление: дрессированные жонглёры, собаки-акробаки, котяки-фокусняки и прочие чудеса эквилибристики и эквилибристика чудес.

Затем потомок Ветхого Сыча в костюме дикаря — в холщовой юбке, правда, поверх летнего костюма, — изображал своего предка, возящегося с Пылесосом, роль которого исполнял Стасян. Эта часть церемонии была ключевой.

Вы спросите: что мог почти час делать с пылесосом Широкий Бу?

Ответим: возиться.

Как гласила легенда, Ветхий Сыч пытался применить пылесос самыми различными способами. Проще говоря, занимался ерундой.

В вульгарной версии легенды, запрещённой магистратом, повествовалось о том, что Ветхий Сыч нашёл немало таких способов, которые порядочному цивилизованному человеку, вроде Широкого Бу, было бы просто стыдно показывать.

В конспирологической версии вообще пылесос был на самом деле инопланетным прибором. Но эту версию высмеяли даже Зита с Паразитой, ведь слухи и сплетни тоже должны придерживаться новостного и политического мейнстрима.

Но во всех версиях было главное: Ветхий Сыч был чрезвычайно фантазёром.

Тем не менее, несмотря на бедность собственной фанта-

зии, в этот день Широкий Бу блистал новыми находками в области нестандартного и всё же относительно пристойного использования пылесоса. Никаких матерных пупков.

Стасяну оставалось лишь крутить руль, жать рычаги и кнопки внутри костюма-конструкции и проклинать По Ивановича с его проблемной любовницей, из-за которых ему пришлось переживать всё это представление.

Каждое его новое действие Широкого Бу публика встречала громом оваций и восторженных криков...

И лишь в самом конце возни бока у Пылесоса заискрились — якобы заработал аккумулятор, как в легенде. В этом году обошлись без морзянки. Широкий Бу заговорил в дышло пылесоса. Его голос разнёсся по динамикам по всему берегу:

— Люди всей планеты! Вас приветствует Великий остров! Теперь мы с вами единая цивилизация!..

И ещё полчаса пафоса, символизирующего тот исторический момент, когда пылесос непостижимым образом заговорил на ультракоротких радиоволнах.

После этого, как и было обещано в программке, на сцену выпустили столичных знаменитостей — Полипа и Пенепопу Кринжановских.

Публика заволновалась, зашептала, надеясь увидеть не артистов, а сразу их измены, развод, алименты и раздел имущества воочию. Слухи о распаде этого неблагородного, но весьма скандального семейства уже не первую неделю не сходили со страниц жёлтой прессы. И потому многие вполне справедливо решили, что Кринжановские прибыли не только за немалым гонораром, но и затем, чтобы посредством

совместного пения доказать: семейная лодка их наткнулась не на айсберг, а совершила вполне себе сильный манёвр в область ещё более глубокого кринжа.

Для такого случая они подготовили наикрутейшие каверы наикрутейших допотопных песенок в стиле диско-попс. Всё это, разумеется, подавалось как новое слово в искусстве, хотя на самом деле было скорее старым криком моды, переодетым в перья и усиленным электричеством.

Кринжановские решили выступать в птичьем стиле. Вместо одежды они были полностью облепленные перьями лепсов. Перья переливались, блестели, а встроенные ультрафиолетовые лампочки подсвечивали наряды до необычайного блеска. Казалось, будто на сцену выпорхнули не эстрадные проходимцы, а два экзотических существа из тех времён, когда у искусства ещё была хоть какая-то эстетика.

Но потом Полип завыл голосом страдающего самовара, Пенепопа затрясла всем, чем природа, пластическая медицина и продюсерская фантазия снабдили её для сцены, и стало ясно, что перед публикой всё те же Кринжановские — пошлые, бездарные, зато вполне профессионально скандальные.

Сначала они испортили (или исполнили — кому как больше нравится) песню про любовь, что оказалось похожим одновременно на гимн разводу, рекламу слабительного и плач по утраченному контракту. Затем была песня про вечность, под которую оба так извивались, будто хотели не столько вы-

разить чувства, сколько вытрясти из зрителей остатки стыда. И вот тут случилось то, чего, в сущности, следовало ожидать.

Скандалные звёзды не могут не держать марку.

Во время особенно энергичного танцевального припева оба внезапно повернулись к зрителям задом и затряслись с таким бесстыдством, что блюстители административного кодекса уже состряпали материал на десяток статей на тему испанского стыда и пиндосского кринжа. Выяснилось, что они без одежды, что обнаружилось во время самого нагибатель-

ного па.

— Пупки наружу?! — вскричали Зита с Паразитой, моментально оказавшись рядом, словно предчувствуя скандал. — Это неприемлемо! Позор! Куда смотрит мэр? Ага, мы видим, куда смотрит мэр! Да в пупок он и смотрит, старый развратник! Пупочные извращенцы!

Особенно опозорился Полип, потому что его срам, до того существовавший в основном как слух, намёк и предмет внесудебных сплетен, вдруг оказался замечен и невозможен к развидению.

Ценители современного искусства потом утверждали, что на одном из концертов в столице с него уже слетали то ли штаны, то ли стыд, то ли срам. Но тогда случившееся не представили как дерзкий перформанс.

Тут же, на берегу, среди народонаселения попроще, даже предводитель аристократов Нюрон Печень выразился предельно ясно: срамота пупочная!

Пенепопа, заметив народное оживление, взяла особенно высокую ноту и одновременно так резко дёрнула тазом, что с неё самой едва не сползли остатки художественной концепции.

Зита и Паразита моментально привели свои стратегические средства массового поражения мозга в боеготовность.

— Я же говорила, что они уже развелись! — заорала Зита так, будто сама только что заверила соответствующие бумаги у нотариуса. — А они не развелись, а РАЗВЕЛИ!

— Да! — взвизгнула Паразита. — Это же раздел имущества в прямом эфире! Причём имущество у Полипа, а раздел у Пенепопы!

И обе старухи, захлёбываясь восторгом от своих многомысленных словоблудий, пошли распространять отснятое с самого выгодного ракурса видеосвидетельство и комментарии к нему с огромной скоростью, будто всё уже заранее репетировали, будто они с продюсером уже были в коллаборации. Спустя две минуты половина берега уже знала, что Кринжановские развелись, сошли с ума, продали одежду, обмазались лепсовыми молОками, обклеились перьями лепсов для омоложения и теперь, вероятно, к чему-то приклеются своими пупами.

Публика подпевала также бурно, но с нотой ржаки и сарказма. Мэр и приближённые пытались сохранить серьёзность и даже делал вид, что всё происходящее — высокое столичное искусство. Но и тут ржака победила.

Сами Кринжановские ничтоже сумняшеся продолжали трясти срамотой. Полип подтягивал перья туда, куда уже нельзя было ничего подтянуть без вмешательства инженеров и хирургов. Пенепопа улыбалась своей знаменитой улыбкой женщины, которая неоднократно хоронила репутацию, но всё ещё считала себя на вершине любых иерархий. Вместе они, как правильные нарциссы, довели номер до конца и даже раскланялись, как будто не опозорились, а совершили акт культурного подвига. Перфоманс же ж!

Но этот скандал, как ни старались Кринжановские, всё же не перебил скандала воспоследовавшего.

Ибо полиповы пупок и причиндалы народонаселение, прямо скажем, видывало.

А вот то, что приключилось с тётей Розой и её любовниками... Рядом с подобным даже столичная срамота выглядела почти невинным недоразумением.

Пока публика проникалась патриотическим энтузиазмом, а потом ржала над Кринжановскими, в городе зрело нечто неопишное и неудобоваримое.

Мэр всё сильнее нервничал, своей чиновно-клановой пятой точкой чуял неладное и уже что-то шептал своим секретарям и в свой особый телефон.

Рядом с мэром всё сильнее хмурился Инкогнитто.

Тудор Муфтович Забубённый, а по жене ещё и Махно, более не мог томиться в неизвестности и решил искать супругу, поскольку та уже больше суток не подавала о себе никаких вестей.

Обычно тётя Роза, едва исчезнув, звонила ему и вешала макаронную чушь о том, что у неё срочная деловая встреча на континенте. Он верил, потому что на всём острове почему-то не находилось ни одной доброжелательницы, которая сообщила бы рогатому мужу о переизбытке кальция в некоторых частях его организма.

Будучи у неё под каблуком, он трусил устраивать скандалы и вдаваться в её дела, если только это не касалось его собственных проблем. А собственных проблем у него почти не было.

Но на сей раз тётя Роза действительно пропала. Её бедный супруг остался без денег и был не в состоянии даже купить себе поесть.

Беспокойный супруг стал носиться по городу, заморочил голову полиционерам, санитарам и патологоанатомам. Наконец старая аптекарша Раиса Круговна, пожелавшая-таки выступить доброжелательницей, решила нарушить негласное табу. Она намекнула Тудору Муфтовичу, что источник поступления излишнего кальция в его организм следует искать

по адресу По Ивановича. А дом сей располагался неподалёку от дома Махно. Пришлось возвращаться назад, а путь был как раз мимо карнавала.

Ровно в тот момент, когда рогатый муж явился к дому любовника своей жены, гигантский пылесос-дирижабль, привязанный тросами к двум автомобилям, нёс под собой вишючую трибуну со всеми виднейшими людьми города, среди которых особенно выделялись мэр, Широкий Бу и скромный Инкогнитто.

Дотошные наблюдатели отмечали, что дирижабль, и без того шедший подозрительно низко и державшийся на честном мэрском слове, оказался в этот момент ровно там, где ему в таком то ли плачевном, то ли смешнявом состоянии, менее всего следовало быть.

Ибо, сшибая рогами прохожих и воробьёв, голодный и ревнивый муж нёсся по указанному месту дислокации вражеских сил. Несмотря на то что путь этот был совсем недлинным, он оказался весьма продолжительным. Каждое столкновение добавляло Тудору Муфтовичу новую порцию гнева. Так что к концу маршрута он совершенно распалился.

Он достиг дирижабля-пылесоса и, конечно же, нечаянно пробил рогами обшивку огромного летающего сооружения.

Таков закон всех комедийных сюжетов, как известно любому читателю: всегда происходит какая-нибудь ерунда, из-за которой все сначала пугаются, а затем долго и с удовольствием смеются.

Мы, однако, отметим, что на самом-то деле злая людская молва впоследствии приписала этот прискорбный казус именно рогам обиженного супруга. Нашим читателям мы по секрету скажем, что рога Тудора Муфтовича тут совершенно ни при чём, ибо являются лишь художественным образом. Обыкновенным литературным вымыслом.

Дело же в реальности обстояло иначе.

Мэр, как и положено всякому уважающему себя мэру, а ещё более — уважающему деньги банально хапнул. Любой городской карнавал, ясное дело, это бюджеты и распилы. Наш мэр был не лыком шит. Зато был лыком шит — и что бы вы себе думали? — да-да, тот самый дирижабль-пылесос!

Почему городские швеи не задумались над вопросом безопасности? Да потому что сам мэр по рассеянности не сообразил, что сам же и полетит на таком лыком шитом дирижабле. А чего же швеям думать о таком!

И, конечно же, необходимо было обвинить очередного козла отпущения, в роли которого всегда оказывается какой-нибудь близорукий супруг. Тудора Муфтовича и обвинили в том, что он задел одну из провисавших конструкций дирижабля, а ещё какие-то рога — да-да, рога! — приспособления для рабочих-верхолазов, и все эти металлические штуки наделали дыр в обшивке пылесоса-дирижабля.

Совпадение сюжета личной драмы с общественным происшествием настолько впечатлило и напугало горожан, что некоторые даже слегка промокли от неожиданности и страха, когда на их головы внезапно дунули сильные струи газа из разорванного брюха дирижабля. А спустя полминуты их, бедных, не успевших скрыться, накрыло с головой огромной кучей сырой прорезиненной обшивки.

Вскоре все они, надышавшись гелием, пищали как крысы. А прочая публика изрядно ржала над такой импровизацией.

— Всех повешу! — пищал мэр из-под дирижабля, а горо-

жане лишь ржали.

Хор пискунов звучал забавно. Будто невидимый гамельнский крысолов собрал своё воинство для свершения некоего испаностыдного действия.

А Тудор Муфтович и не понял, что его уже собирались побить. Он даже не заметил всего учинённого им безобразия, разбросал перепуганных и разъярённых граждан в стороны и понёсся дальше навстречу его личному апокалипсису.

Не больше не меньше.

Тудор был не просто козлом отпущения, он стал всадником апокалипсиса, рогатым, неудержимым и всеразрушительным вестником ужаса.

Наконец, достигнув цели, он ворвался в дом любовника своей жены, пробив дверь то ли лбом, то ли, опять-таки, рогами.

И там, ясное дело, застал жуткую картину, ещё не апокалиптическую, но крайне странную...

* * *

Повторимся: именно этот момент впоследствии и стал началом всей той необычайной истории, которую ранее обозвали катастрофой.

Пока оскорблённый супруг направлялся к месту трагедии своих идеалов, в доме По Ивановича обнажённые и в весьма пикантной позе, тётя Роза и её любовник По Иванович на кухонном столе слиплись — в переносном и в прямом смысле, — не имея никакой возможности разлепиться. Из-за это-

го смешного и прискорбного факта оба то истерически смеялись, то рыдали, то причитали, то ругались.

Только вы не подумайте ничего пошлого о прилипших половых органах и прочем свинстве. Дело тут было серьёзнее, чем даже мог бы вообразить Дон Батон, самый искушённый и самый прожжённый похабник Охотничьего острова.

Дело было — липняк. Как и сказал этот самый Дон Батон, нечаянно оказавшийся поблизости, так как страдал, или скорее наслаждался, вуайеризмом.

Проблема заключалась в том, что любовники не просто слиплись. Не слизистыми оболочками, не просто вспотевшей кожей. Нет — они даже не склеились. Они, скорее, срослись. Эдакая приобретённая сиамская близнецовость.

Кожа их в месте соединения двух тел образовала общие слои, которые зарубцовывались и даже разглаживались чуть ли не на глазах. Выглядело это так, словно какой-то извращённый хирург-садист-маньяк решил пришить двоих людей друг к другу, соединив их плоть таким образом, чтобы не было видно никакого срама. Причём вместо отторжения чужеродных тканей происходила адаптация и дальнейшее срастание вплоть до того, что кожа становилась будто бы единой. И было совершенно непонятно, где начинается красивая тётя Роза, а где не особо привлекательный По Иванович.

Вопреки всем известным биологическим законам это происходило, и ничто не могло этому помешать.

Чувствовали они себя при этом очень странно. Был не

только ужас. Было и какое-то странное любопытство.

И ещё куча ощущений, которые трудно было бы назвать своими, потому что происходили они там, где срослись кожа и органы. Оба чувствовали, что в месте соединения происходят некие таинственные процессы, и ощущения от них были совершенно загадочны. Помимо обычной половой тяги между любовниками возникло ещё и нечто вроде психического притяжения — совершенно невыразимого словами, но при этом как будто естественного.

Сознание кричало о страхе и ужасе положения, а подсознание усмехалось чему-то и с интересом ожидало продолжения. А иногда даже дрожало от какого-то чувства весьма похожего на оргазм. Конечно, это мог быть оргазм богомолы, которому, как известно, самка откусывает головёнку, а он при этом получает неопишуемое удовольствие. И страшно и странно, и ужас как приятно одновременно!

Пришлось принимать это как очевидное. Такое, что хотелось бы развидеть! Но нет!

— Похоже на вечный секс, — попытался пошутить По Иванович.

Но они вдруг так испугались этого слова — «вечный», — что оба заплакали от бессилия что-либо сделать с этой ситуацией.

Что бы они ни делали, всё было напрасно. Каждое движение стоило им лишних сросшихся сантиметров кожи. И тогда они решили просто хоть как-то расслабиться. Попивали

пиво, искоса поглядывая друг на друга, получая то дозу ужаса, то оргазма. Единым организмом они себя пока не ощущали и всё ещё надеялись, что как-нибудь само собой рассосётся.

В какой-то момент По Иванович, утомлённый отсутствием улучшений, в отчаянии решил оттолкнуть любовницу.

Но внезапно рука его, к огромному ужасу обоих любовников, прилипла к груди тёти Розы, будто даже чуть погрузившись внутрь неё, куда-то между рёбер. Тётя Роза хотела влепить ему пощёчину в отместку, но опомнилась и лишь стала браниться самыми пупочными словами.

Женщина долго кричала от злости и отвращения, но вскоре им стало ясно, что слезами горю не поможешь.

— Как же быть? — то и дело спрашивал По Иванович.

— Ну не разорваться же! — кричала тётя Роза.

— И что же делать? — то и дело спрашивала тётя Роза.

— Так не разорваться же! — вздыхал По Иванович.

Тётя Роза, конечно, могла бы позвонить мужу и наврать что-нибудь о задержке на континенте.

По Иванович мог бы позвать доктора Пупельшнауцера, чтобы хоть как-то разобраться в ситуации. Чтобы тот хотя бы поставил диагноз столь необычной болезни.

Но неудачливые любовники сумели только добраться до холодильника, по пути сросшись ещё несколькими квадратными сантиметрами кожи, и там плотно поели.

Аппетит у них, надо заметить, проснулся просто неверо-

ятный.

До телефона они добраться не решились, так как любое движение было чревато.

Выходить на улицу в такой позе было совершенно недозволительно, вот они и торчали так, стараясь больше не касаться друг друга, тем более что еда была под рукой, а прочих физиологических позывов у них почему-то пока не возникало...

— Позор. Позорище. Стыд. Стыдобище. Кринж. Кринжовище... — без конца твердила Роза.

Она так боялась огласки, что этот страх просто парализовал её. А По Иванович внезапно тоже всем телом ощутил этот страх своей любовницы, и это было столь странно, что он тоже впал в ступор.

Чего они ждали?

Даже этого они не смогли бы объяснить.

Ну, и дождались.

После нескольких часов мучений явился Тудор Муфтович, исполненный обиды, благородного гнева и неистовой ревности.

Оскорблённый супруг, узрев сие безобразие, застыл на месте.

Даже застилающий ему глаза гнев замер в нерешительности перед созерцанием этого необычайного феномена.

Это было не просто выше его понимания. Это было выше его воображения.

Сон или не сон.

Он стоял так долго-долго и молчал.

Надолго замолчали и тётя Роза с По Ивановичем, стыдливо отведя глаза. Разлепиться они не могли, как бы ни старались. Даже не двигались, обречённо глядя на заключительную триаду своего любовного треугольника.

И вот вам...

Скандала было не миновать.

— Ну что, куколд, решишь уже хоть на что-то! — тётя Роза решила наконец сдвинуть дело с мёртвой точки.

И тут у Тудора Муфтовича прошёл первоначальный ступор, и он, не выдержав овладевшего им отупения, бросился в атаку.

— Ага-а!.. — заорал он, кинувшись на них с кулаками и рогами наперевес, сопровождая нападение жуткой пупочной руганью.

Рассуждать он не стал.

Требовать развода — тоже.

Решил просто немедленно всех забодать.

Ударив По Ивановича в подреберье, ревнивец внезапно понял, что его рука погрузилась в глубину чужой плоти, причём ни видимого ущерба не причинив, ни сама его не получив. Все в этот момент замерли от неожиданности, ибо ни боли, ни крови, ни каких-либо иных естественных явлений не возникло.

Какое-то странное шоковое состояние не давало им ни

отойти друг от друга, ни хотя бы попытаться отлепиться.

Словно где-то в глубине души им и не хотелось разлипаться.

Объяснить это странное ощущение они не смогли бы ни себе, ни другим.

Когда удивление, шок и прочее прошло, муж тёти Розы попытался выдернуть руку, но та будто уже срослась с телом По Ивановича и норовила врасти ещё глубже. Кожа и мышцы словно притягивали остальное тело.

Тудор мог бы поклясться, что это не он направляет свою руку. А ещё он как будто смог пошевелить ногой жены и пальцем По.

В ужасе он завопил, зажмурился и стал молиться.

Теперь в квартире По Ивановича плакали, причитали и ругались уже трое.

Шевелиться они боялись, так как любое движение сцепляло их ещё сильнее. Зато в крике отвязывались по полной программе.

Что было дальше?

А дальше в дом вошла власть.

И, как всякая власть, сперва решила, что главное — не понять происходящее, а сделать так, чтобы никто другой ничего не понял раньше неё.

Симеон Борзой в это время ещё не улетел с Соснового острова. Он отправил все необходимые материалы ассистентам, которые опубликовали его первую статью. А сам решил ещё на некоторое время остаться.

Симеон отправил статью, *продублировал* все архивы друзьям на материк.

Потом попросил отыскать троицу своих агентов: Бандэро, Арамиску и Пурчела. Причём попросил сделать так, чтобы конкурирующие разведки и ведомства не порвали агентов на части. Самому найти их он даже не представлял, как. Ни технически, ни морально он *не справился бы* с подобным. Связи с ними не было, и как её наладить, если они до сих пор в странной тюрьме, было неясно.

Не улетел он потому, что на Сосновом острове, среди всеобщего разложения, запустения и административного каннибализма, всё-таки нашёлся доступ к многим весьма интересным данным, а заодно и к СЕТИ. Источник был, правда, не самый романтический — компьютер мэра Потерянного. Но в наше время, когда нравственность давно отделилась от техники, а техника от совести, не так уж важно, с какого именно стола ты выходишь в мир, если этот стол до тебя использовали для безобразий государственного масштаба.

На компьютере обнаружилось немало интересного.

Во-первых, там были отчёты, которых как бы не существовало.

Во-вторых, переписка, из которой следовало, что кое-кто на острове уже давно понимал: происходит не просто серия несчастных случаев, а полноценное расползание новой реальности.

В-третьих, там были фотографии, на которых некоторые граждане выглядели так, будто уже не вполне решили, люди они, звери или недооформленная коллективная галлюцинация.

Фотографии были весьма примечательные. Хотелось одновременно увидеть всё воочию и развидеть всё навсегда и промыть глаза самым слёзопроводирующим мылом.

На одном фото *был человек, у которого* нос, челюсть и рот стали превращаться в мерзкий хобот с зубами на конце.

— Упырь, — прочитал Борзой.

На другом фото был человек, у которого на спине начали отрастать две мерзкие и странные конечности, а также кое-где отрастали перья. Подпись была «птицелюд», и приписка «ангел».

— Серьёзно?! Этот урод — ангел? Странное воображение у местных учёных было! Или это шаманы, как они тут на Пипининах называются! М-да! Что тут ещё?..

Были и ещё фото: демон, свинолюд, гадолюд, многоножка, червь...

Разнообразных уродцев было много.

Большую часть этих мутантов Симеон со своей командой так и не обнаружил в реальности. Возможно, они оказались нежизнеспособными, либо они просто разминулись.

Некоторые были настолько жуткие, что разминуться с ними было даже к лучшему.

Видеозаписи, которые он отправил на континент, уже можно было посмотреть. Его ассистенты декодировали материал.

Симеон запустил первую запись. На экране Потерянный ещё оставался обычным человеком. Он ругался с военными возле входа в старую зону, размахивал руками и требовал допустить его внутрь. Запись оборвалась.

Следующая начиналась несколько часов спустя. Двое военных коснулись друг друга и исчезли. Камера затряслась.

Мэр возвращался.

Третья запись показывала кабинет мэра. Потерянный сидел за столом. Перед ним стояли люди. Он что-то говорил. Звука не было. Но один за другим посетители начинали улыбаться. Потом садились, повторяли его движения. Было и смешно и жутковато.

На четвёртой записи были какие-то подземные коридоры, множество крыс, которые бежали будто единый организм.

Симеон остановил запись.

Подобных роликов было ещё много.

Это ещё не объясняло природу процесса. Не объясняло пришельцев, устройство Сыча и эксперименты военных. Но

теперь становилось понятно, почему всё распространилось именно по Керешу. Мэр Потерянный не просто оказался первым известным носителем, он сам нашёл какую-то изолированную зону. Сам полез к источнику. А вернувшись, продолжил управлять городом — уже будучи не вполне собой.

Симеон вспомнил, что в первый же день приборы Курлянда Арамиску показали наличие множества живых объектов. Они тогда сообразили, что вся эта живность расположилась под землёй. Когда они спустились в подземные лабиринты, то обнаружили там упырей. Это были опасные мутанты, поэтому тогда решили не идти дальше по лабиринтам.

А дальше всё пошло наперекосяк, и исследовать остров потом не получилось. Команда Борзого попала в передрагу, их всех поймали какие-то неизвестные, причём использовали для этого очень странную технологию. Потом Борзой оказался в тюрьме и потерял связь со своими спутниками.

Да, потом его почему-то отпустили, он просто оказался в лесу. *Хотя нет:* его отпустили не просто так. Симеон понял, что его пустили на корм чудовищу. Таинственному. Нечеловечески странному...

Если бы не двое сумасшедших островитян — Пипа и Попа — он был бы съеден этим мутантом. Они последние дни стали его спутниками и даже в каком-то смысле телохранителями.

Их голоса и сейчас тарахтели во дворе. Симеон уже привык к их болтовне и почти не различал, о чём они говорят.

Ну, болтают всякий вздор — и пусть их!

Худой Пипа вдруг громко засмеялся и сказал что-то необычное:

— Ну, что ты как коллективид!

— Да и ты не индивид!

— Во! Умные слова!

— Знакомые! — добавил Попа.

Симеон насторожился и, выбравшись из-за стола, крикнул в окно:

— Погодите! В каком смысле знакомые? Коллективид — это как?

Пипа с Попой переглянулись.

— Нас тоже когда-то учили.

— Чему?

— Вместе думать.

— По очереди!

— Одновременно!

— А потом красивая тётка...

— Не! Прекрасная тётка!

— Не! Красивая мадама!

— Не! Прекрасная мадама!

— ...говорила: главное — не потеряться.

— А дядька всё провода цеплял.

— Какие ещё провода? — спросил Симеон, вглядываясь во тьму улицы, пытаясь лучше рассмотреть этих вечно весёлых алкашей.

Оба задумались.

— На башку.

— На пупок.

— На башку и пупок.

— И не потерялись?

— Никуда.

— Мы же вот они!

И оба одновременно принялись хлопать себя по бокам, животам и коленям.

Симеон несколько секунд наблюдал эти великолепные и грациозные па-де-де и па-де-па, потом спросил:

— Вы опять пьяны?

— Конечно!

— Потому и не потерялись!

— И эта мадама вас учила взаимодействовать? Как это происходило?

Пипа почесал затылок:

— Да машина какая-то гудела...

— Как чёрт с жерлом жутким и глазищами зырк-зырк! — ухал Попа.

— То лампочки мигали!

— И башка чесалась!

— А потом мы всё забывали.

Симеон нахмурился:

— Всё?

— Не всё.

— Только что забыли.

— А что забыли?

Оба ненадолго задумались.

— Забыли.

Симеон уже открыл рот для следующего вопроса, но Попа вдруг толкнул Пипу локтем:

— Пипа, слышь?

— Попа, кыш!

— Эй, слышь, малыш!

— Ну-ка с нами, кыш!

— Получишь шиш, коль не убежишь!

— Куда? — поморщился Симеон. — Куда на ночь глядя собрались?

— Идти туда, неведомо куда!

— Искать то, неведомо что!

— Бежать от тех, неведомо кех!

И они пустились в пляс от хохота.

— Слышь, сказочники! Идите сами, мне ещё надо поработать!

Пипа с Попой переглянулись, синхронно пожали плечами и ушли. Через несколько секунд их уже не было видно в темноте.

— Я с вами с ума сойду! — проворчал Симеон и вернулся к своей работе.

Он ещё несколько секунд думал о какой-то прекрасной мадам, проводах и коллективах. Что-то было тут интерес-

ное. С ними, наверное, тоже эксперименты проводили. Может потому они такие сбрендившие.

Но этот эпизод Симеон пока оставил на подумать. Фактов и так было много в копилке. Он факты не искал, он собирал структуру, искал связи и устанавливал закономерности.

Потом махнул рукой, так как уложить ещё один факт в систему пока не получалось. Мало ли что померещилось двум алкоголикам.

Рука смахнула со стола очки.

Он нагнулся и поднял их. Это те самые очки Олафа, те самые, которые он зачем-то взял у Стасяна.

— Зачем я их взял? — он повертел их в руке и забыл, так как в голове была куча мыслей, надо было их собрать, чтобы подготовить материалы, собрать их в систему, чтобы потом опубликовать.

Очки он автоматически сунул в карман.

Изучив все оставшиеся архивы, Симеон тоже отправил их друзьям на материк через СЕТИ.

Всё. Журналист решил, что миссия выполнена, осталось теперь обработать материалы и опубликовать оставшуюся часть расследования. Остаться на Сосновом острове уже не было необходимости. Можно было заняться *остальными* островами Пипининского архипелага, *тем более что* с главного острова, самого большого и обжитого — с Охотничьего — приходили весьма необычные и крайне противоречивые слухи и сплетни. Будто бы там началась странная эпидемия.

Тоже мутации.

Друзья сообщили Борзому, что там побывал сам господин Инкогнитто. А сей загадочный персонаж проявляется именно там, где должно *произойти что-то* до крайности необычное. И всегда все гадали: он появляется в таких местах так вовремя потому, что так круто работает его интуиция, либо это он провоцирует подобные события.

Закончив дела, Симеон наконец позволил себе роскошь подумать о спасении собственной шкуры.

Он попросил друзей из невоенного ведомства прислать за ним вертолёт. Оставалось только ждать.

Вертолёт обещали прислать утром. Если, конечно, пилоты не передумают, начальство не испугается, погода не взбесится, а остров не выкинет ещё какую-нибудь пакость. Но всё равно это было уже почти спасение. Несколько часов — и Сосновый остров останется внизу: лесом, пятном, архивом, кошмаром, удачным материалом и неудачным воспоминанием.

Симеон впервые за последние дни позволил себе подумать, что, на пороге освобождения, ведь Сосновый действительно был похож и на тюрьму, и на сумасшедший дом, и на лабораторию сумасшедшего учёного.

Если всё пойдёт нормально, утром он уже будет на материке. А если совсем хорошо — через день будет сидеть в безопасном кабинете, потягивать кофеёк и ругаться с редакторами. Борзой почти поверил, что Сосновый остров остал-

ся у него за спиной.

Материалы ушли. Первая статья уже жила отдельно от него. Архивы были продублированы. Даже если с ним что-нибудь случится, правда уже ползла по СЕТИ, как очень неприятная для властей многоножка. А часть материалов, оставшихся в архиве и не публиковавшихся, являлась страховкой от давления нечистоплотного генералитета, конкурирующих ведомств и прочих любителей объяснять журналистам, где заканчивается свобода слова и начинается служебная необходимость.

Архив мэра Потерянного и кое-что самое важное Симеон приказал своим ассистентам пока не публиковать. Это было не от трусости и не от осторожности, хотя осторожность тут тоже не помешала бы. Просто Борзой хотел оставить эти материалы на сладкое — для второй части статьи, где уже можно было не только ткнуть общественность носом в мутантов, тюрьмы и подземные лабиринты, но и показать, кто, когда и почему делал вид, что ничего не происходит. Первая статья должна была взорвать дверь. Вторая — войти внутрь и начать переворачивать мебель.

Журналист, как известно, может быть храбрым сколько угодно, но только до той поры, пока его храбрость ещё можно напечатать. Когда же тебя самого вот-вот напечатают в разделе «Потери и повреждения», появляется естественное желание вернуться в лоно цивилизации.

Остаться на острове ещё на одну ночь было чистым

безумием. Но безумие это казалось маленьким, почти техническим: переночевать, дожидаться вертолѐта, сесть, улететь. Симеон тогда ещё не знал, что Сосновый остров отпускал информацию, но крайне неохотно отпускал свидетелей.

Правда, где-то внутри всё ещё зудело неприятное журналистское «а вдруг?». А вдруг он улетит, а потом окажется, что самое важное было не в архивах, не в фотографиях, не в мэрском компьютере и даже не в подземных лабиринтах, а где-то рядом — за стеной, за окном, в овраге, на той поляне, где он наблюдал ритуал лепсов и упырей? А вдруг именно этой ночью Сосновый остров покажет то, что днём прятал от приборов, камер и здравого смысла?

Симеон отлично понимал, что надо просто ждать вертолѐт. Сидеть тихо, не геройствовать, не проверять шорухи, не бегать за каждой тенью, не пытаться добрать последний невозможный факт. Но журналист в нём был хуже инфекции: стоило появиться крючку неизвестного, как он уже плыл за наживкой.

И Сосновый остров, как будто, это отлично понимал.

Ночью, пока Симеон в ожидании эвакуационной команды в очередной раз перебирал и сортировал документы в компьютере, в окне промелькнуло нечто.

Он сперва решил, что у него утомление зрения из-за долгого воздействия монитора.

Потом он подумал, что это крупная птица. Типа лепса.

Потом подумал, что птицы так не летают.

Существо скользнуло над тёмными соснами бесшумно, как умная мысль. В лунном свете оно показалось почти человеческим — только слишком лёгким, слишком плавным и каким-то не отсюда. Будто ангел.

А ещё он услышал, как странно запели коты. Хором.

С подобными феноменами он никогда не сталкивался.

Любой здравомыслящий человек закрыл бы окно, проверил замок и дождался рассвета в ожидании вертолётa. Но здравомыслие редко делает хорошие репортажи.

Симеон выругался вполголоса, схватил камеру, фонарь и выбежал. Наверное, тот самый птицелюд с фотографии. Но сейчас это был не уродливый мутант, а летающее существо, сформировавшееся, полноценное.

Выйдя Симеон сразу увидел кошек.

Днём он видел их возле бывшей мэрии Потерянного: обычные кошки, только тощие, ведь людей вокруг не осталось. Но ночью кошки изменились. Они сидели вдоль стены, на крыльце, под окном, на перилах и смотрели в одну сторону — туда, где темнел лес.

Они молчали и сидели слишком уж смирно. А потом вдруг снова синхронно заорали свою странную песню.

Борзой остановился от неожиданности.

— Ну всё, — буркнул он себе под нос. — Если я ещё и кошек начну допрашивать, материал точно придётся сдавать в отдел мистики.

Он пошёл дальше.

Кошки не пошли за ним. Они только синхронно повернули головы и молча провожали его взглядами.

Разумеется, ни один нормальный человек ночью не побегит за неизвестным летающим существом вглубь соснового леса.

Но, во-первых, Симеон был исследователем и авантюристом по натуре и по профессии. Во-вторых, на Сосновом острове к тому времени нормальность вообще уже считалась формой умственного уклонения от реальности. А в-третьих, существо казалось чуть ли не волшебным, словно сошло с древних фресок допотопных храмов. И, конечно, подобный феномен нельзя было упустить.

Симеон пытался снять существо на камеру, но никак не получалось сделать это качественно.

Он бежал долго.

Лес будто не пропускал его, а переставлял между стволами. Сосны стояли уже не деревьями, а стенами какого-то тёмного коридора. И чем дальше Симеон бежал, тем сильнее казалось, что он не выходит наружу, а входит внутрь.

Терял существо из виду. Снова замечал его между стволами. Оно будто заманивало, не спеша, не удирая, но и не давая приблизиться. Несколько раз ему почудилось, что оно оборачивается. Лицо или морду — что там у него было? — разглядеть было невозможно, только белёсый овал и что-то вроде длинных, странно светящихся волос или перьев.

А потом лес кончился. Стены стволов и потолок листвы

вдруг отпустили...

Он понял, что будто уже бывал тут.

И он только теперь заметил зловещую тишину. Такую же, как и в тот раз, когда его спасли Пипа и Попа.

Но теперь сумасшедших алкашей рядом не оказалось.

Там, на редкой поляне, где уже однажды кончалось хорошее, Симеон снова увидел мэра Потерянного. Точнее — то, во что тот успел превратиться.

Симеон моментально забыл о летающем ангеле, и всё его внимание было поглощено этим странным существом.

Монстр стоял неподвижно, как столб власти, как министр на заседании со своим кабинетом, гипнотизируя и всматриваясь сразу *всем своим* телом. Хотя глаз не было видно в сумраке.

От него тянуло вязкой жутью и неожиданной привлекательностью, и у Симеона на секунду возникло два противоположных желания: с одной стороны, немедленно подписать, отчитаться и исполнять, а с другой стороны, прильнуть, слиться и утонуть в неожиданной нежности.

И страшнее всего было то, что это желание казалось не совсем чужим. Оно шло будто изнутри, будто где-то внутри Симеона уже нашлось место, которое само хотело перестать быть отдельным, устало держать границы, устало быть одним человеком в одном теле и теперь тянулось к чему-то большому, тёплому, милому и мерзкому одновременно. Срастаться и кожей, и волей, и страхом, нежностью, и самой мыслью о

себе.

Он с ужасом понял, что снова попал под странное гипнотическое воздействие.

Мозг как будто обложили ватой, пропитанной чужой волей. Ноги стали тяжёлыми. Фонарь выпал из руки...

И только где-то на краю сознания ещё судорожно дёргалась последняя журналистская мысль:

«Вот об этом, пожалуй, надо было писать не в фельетоне, а сразу в завещании...»

Наш Суринн-Корр Упсофф по-своему увидел ситуацию. И пятой точкой понял, что пора поднимать свой упавший ниже пупка рейтинг, а заодно и спасти город.

На носу были очередные выборы. А потому лучше уж перестараться и намутить шторм в тазике, чем сидеть сложа руки, ноги и прочее. От чего именно следовало спасти город, мэр решил, что узнает — или придумает — по ходу дела.

Присутствие Инкогнитто влияло на всё. Он и шепнул мэру: “Ты чего филонишь?”

Потому Упсофф, не сходя с трибуны дирижабля-пылесоса и не до конца выбравшись из-под его сдувшейся туши, тут же созвал чрезвычайный Совет безопасности, благо все его члены присутствовали здесь же. На этом совете все очень быстро посовещались, и мэр решил, что пора кончать с беспорядками и непорядками.

А там уже разберутся, это теракт, нападение пришельцев или эпидемия.

Суринн-Корр Упсофф взял столько чрезвычайных полномочий, сколько мог унести, и немедленно отправился наводить вышеозначенный порядок.

Во-первых, он сходил в туалет. Не сходя с места.

Во-вторых, тут же допросил попавшегося под ноги Дона Батона, который сообщил массу подробностей о липняке и

назревающим скандале.

В-третьих, он послал полицейнеров оцепить опасный район падения дирижабля и дом По Ивановича, из которого раздавались очень неприятные звуки. Конечно, такие пошлые звуки из окон города — не редкость, но на сей раз как-то это было чересчур, что-то неуловимо обеспокоило не только вездесущих Зиту с Паразитой, но даже гостей города.

В-четвёртых, тут же объявил чрезвычайное положение. Кто его знает, каким именно местом он это решил впопыхах... Однако, что называется, ткнул пальцем в небо — или, иными словами, хотел как всегда, а получилось как лучше. Да, и такое случается с дальновидными политиками, какими бы идиотами они нам ни казались.

В-пятых, распорядился позвонить во все информационно-вещательные агентства с сенсацией: на острове вводится чрезвычайное положение, и администрация города принимает все мыслимые и немыслимые меры по восстановлению порядка.

В-шестых, решил всё-таки увидеть собственными глазами, что же происходит в доме По Ивановича, куда так рвался рогатый Тудор Муфтович. Тётя Роза и всё, что было с ней связано, всегда вызывало дополнительный интерес у всего мужского населения города. Тем более ходили слухи и об участии самого Упсоффа в неких сплетнях и кривотолках.

Ну, и в-седьмых, господин Инкогнитто прошептал ему на ухо несколько столь ободряющих фраз, что мэр чуть не схо-

дил опять в туалет, причём тоже на месте и по-крупному.

Полиционеры уже стояли в оцеплении, дабы ни один любопытный нос не сунулся и не пронюхал того, что должно было быть известно только городской администрации.

Удачно подвернувшиеся Кринжановские остались развлекать толпу, а мэр вместе с приближёнными пошёл в самое жерло скандала.

Он обратил внимание на странный факт: к дому По Ивановича сошлись чуть ли не все коты и кошки со всего Сарая и Научного городка. Сосчитать их было невозможно, так как сидели они чуть ли не везде. Они не дрались, не шипели, не выясняли территориальные вопросы, как положено приличным котам. Они просто смотрели на дом По Ивановича.

Как только мэр подошёл ближе, все эти кошки заорали. Причём не как попало, а почти хором. Синхронно. Будто кто-то внутри дома дёргал их за один общий кошачий хвост.

Зита с Паразитой немедленно заявили, что тётя Роза как непорядочная ведьма их всех заколдовала. Полиционеры попытались разогнать животных, но кошки отбежали ровно на безопасное расстояние, сели и снова включили свою странную песню. После этого даже самым тупым стало немного не по себе.

Инкогнитто что-то прошептал на ухо Успоффу и тот

усмехнулся и тут же провозгласил:

— Дрессировщика найти и наградить! Котов накормить и приласкать! В газетах отметить номер с дрессированными котами, как самый креативный и заслуживающий награды от самого президента!

Зрители лишь восхищённо поцокали языками, а потом зааплодировали.

Пока столь редкое политическое событие, названное “чрезвычайным положением”, народу нравилось и все ожидали ещё больше всяких интересностей.

Войдя в дом По Ивановича и пройдя на кухню в сопровождении двоих общественных секретарей, которые по совместительству были ещё и личными телохранителями мэра, Упсофф сразу понял весь ужас создавшегося положения.

Он-то был готов из мухи делать полновесного слона.

А тут было кое-что похуже.

Теперь, наоборот, предстояло делать из бронтозавра муху. Пупок бы побрал такие нестандартные ситуации!

При беглом взгляде ему сперва показалось, будто тут какая-то непотребщина похабного содержания, как говорят островитяне, от пупка до пупка. Но, взглядевшись, он понял, что ничего не понимает и просто паникует.

Мэр взглянул в поисках поддержки в лица своих секретарей. Те пережёвывали жвачку и равнодушными тупыми взглядами сверлили тётю Розу и компанию. Мысли их, видимо, находились где-то в районе челюстей, и потому помочь

своему боссу они могли разве что физическими методами. В такие минуты их мозги отключались, а включались челюсти, кулаки и, если совсем припечёт, ноги.

Приказать им разорвать слипшихся людей на нужные части было, конечно, вполне реально, но чересчур жестоко. Поэтому мэр плюнул на их вялую поддержку и вновь всмотрелся в происходящее.

Ему было стыдно перед господином Инкогнитто, будто это он сам слипся с этими видными горожанами. Столичный чиновник поверх очков строго смотрел на это скандальное недоразумение и молчал.

Тётя Роза ведь была дамой весьма влиятельной не только на архипелаге, но и на материк в столицу неоднократно навещалась, чтобы укреплять связи в высших кругах. Ходили то ли слухи, то ли данные разведки, что после приёма у президента Попуса Попонидиса она стала заметной фигурой не только в области своей женственности, но и в международной политике. Слухи и данные, естественно, дополнялись весьма пикантными интимными подробностями её встречи с президентом, его советником Инкогнитто и прочими деятелями, хотя свечку там, разумеется, никто не держал. Тем более Зита с Паразитой.

Потому ситуация с семейством Махно, была крайне непростой. Система матриархата, которую установила эта вечно молодая женщина с крайне необычной системой доминирования над влиятельными мужчинами, была спаяна не

железом и кровью, а золотом и страстями.

А наличие Инкогнитто на острове на данный момент делало ситуацию для мэра крайне непонятной.

Мэр вздохнул.

За него подумал Инкогнитто:

— Происходящее может иметь последствия гораздо более серьёзные. Они как единый организм. Это странно. Решайте быстро!

Вся троица слиплась и срослась своими телами. Не полностью, но процесс явно продолжался — и всё больше углублялся.

Из слов Инкогнитто мэр понял одно: пора всё это безобразие прекращать.

— Это болезнь, — пробормотал Упсофф, как ему подсказал кто-то сзади.

Ничего иного в голову мэра и не могло прийти, ибо он был материалист и ни во что потустороннее не верил. Потом мэр достал носовой платок, приложил ко рту в качестве маски и наконец выдал:

— Эт-то ещё чтааа такое тут вы мне устроили, извращенцы?! — заорал он, зачем-то отходя на приличное расстояние, с которого его не могли достать эти «липняки». — Весь город переполошили! У людей праздник, а они тут... пупочки вам в клубочки!

— Фи, Суринн-Корр, как тебе не стыдно матом ругаться!

— пристыдила его тётя Роза.

— А как тебе не стыдно матом заниматься, как говорят на континенте?! — парировал мэр.

— Да... — ругнулся и Тудор Муфтович. — Из-за вашего б*ядства и я прирос... к этому... Сто пупков тебе в попу, Пуп Иваныч!

— Ша, куколд, а то ещё сильнее слипнемся! Пупок на ножках! — осадил его По Иванович.

Ругань продолжилась.

— Этот ваш шум пробудил в гражданах нашего славного города их гражданскую сознательность! — вещал мэр. — Ведь таких скандалов, тем более связанных с нашей милейшей Розой, в городе ещё не бывало никогда! Они все, конечно же, стали звонить в полицию, в больницу и, на всякий случай, в пожарную часть!.. Конечноаа! Они полны возмущения, благородного негодования и гражданского мужества! Там у твоего дома наехало машин, набежало народу, дабы прекратить творящееся тут безобразие! Их даже эти столичные Кринжановские не отвлекают! По Иванович, ты бы поимел не тётю Розу, а совесть, а?! А ну, давайте расходитесь!

— Так больно же!

— Ах, больно!.. А срывать праздник, а создавать панику — это можнааа?! Вы у меня тут не здесь и вообще... По Иванович, ты бы прикрыл свою жопу и пуп, я ведь всё-таки мэр!.. Хорошо хоть догадались прикрыть Розу!.. Боже, ка-

кой позор для города!.. На мою седую голову такой срач... срам... вашу мать!.. Кто придумал тут...?!

— Слушай, Упсофф, кончай! Только попробуй что-то пукнуть, и ты у меня так ославишься на весь белый свет, что не отмоешься! Помни, пупок пирсингованный, я многое про тебя знаю! — вдруг железным голосом заговорила госпожа Роза Махно. Наша нежнейшая, милейшая, женственнейшая тётя Роза.

Суринн-Корр Упсофф немедленно прикусил язык. Боясь даже покоситься в сторону Инкогнитто. Этот страх его подзарядил так, словно столичный чиновник снова что-то шепнул ему на ухо, а сам стал звонить по телефону, явно кому-то важному.

Мэр тут же понял, что надо делать.

— Ладно, липняки, слушайте! — сказал он. — Скандалов я не допущу. В городе мне нужен порядок. Причём как юридический, так и моральный... Значит, действовать будем так: отсюда вас вывозить станем тайно. Резать вас запрещено, будем изучать и отправим образцы куда следует... Да! Я сказал! В больнице всё оборудуем так, чтобы ни одна сволочь журнальная не просекла!.. До вечера сидите тут. Я с вами оставлю этих двоих оболтусов. Толькооа не надо и их клеить, хорошо, пупки рваные!.. К тебе особо обращаюсь, гражданка Махно! Так, теперь вы, ребята, — мэр перешёл к своим секретарям-телохранителям, — не трогать их ни в коем случае. Оденьтесь в перчатки и маски... замотайте этих в цел-

лофан, ковры, ну так, чтоб дышать могли, а не как обычно. Помните: это всё может быть заразным... Никого не пускать. Запритесь. Окна занавесьте... Ни один поганый нос не должен ничего узнать! Разрешаю даже наказывать за любопытство: арест и тюрьма. Но не переусердствовать с пытками!.. Глаз не спускать с этой ситуации!.. Если хоть что-то будет не так, я вам пупки на уши натяну! Всё! До вечера. Если чтааа — звоните мне в любое время...

Мэр вышел к народу и объявил, что ничего особенного не случилось.

— Просто скандал. Рога — не повод отказываться от удовольствий! Продолжаем праздник! Всем участвовать в празднествах, не то весь карнавал без вас пройдёт! У нас в этом году такая программа — не пропустите!.. Я лично пропускать не хочу!..

— А как же чрезвычайное положение?! — тут же высочили несколько журналистов.

«А, местные...» — зевнул про себя мэр.

— Дорогие мои, карнавал — дело хоть и весёлое, но из-за каких-то террористов мы его прерывать не станем! И хоть всё уже под контролем, чрезвычайного положения мы отменять пока не будем! Вы же знаете, чтааа у нас город спокойный, и мы хотим, чтобы спокойным он и оставался! Никаких террористов мы не потерпим! Будем мочить их там, где найдём! Найдём в пупке — будем мочить в пупке. Найдём в кустах — будем мочить *и там* в пупке. Найдём на карнавале

— и там будем мочить в пупке!..

Эту речь он особенно любил и повторял вслед за одним историческим деятелем всякий раз, когда предоставлялся чрезвычайный случай. Эта классическая приветственная тирада была любима лично по приказу президента. Попус Попонидис полагал себя потомком некоего знаменитого древнего допотопного правителя, которому и приписывали её авторство. Произносить её было и модно, и почётно. Действовала она как дубинка на забастовщика.

— Всё! Я сказал! Порядок — будет! — и Суринн-Корр Упсофф удалился на праздничную трибуну, которую теперь просто вёз знаменитый пылесос — замаскированный грузовик.

Кстати, в какой-то момент мэр оглянулся в поисках господина Инкогнитто. В поисках одобрения, ибо разрулил он всё неожиданно удачно.

Но того не было.

Позже он тоже пытался его отыскать.

Но член администрации президента исчез.

Это напугало Суринн-Корра.

И потому он с особым рвением взялся за сокрытие всего, что только можно было скрыть.

Ибо президент, вероятнее всего, уже был в курсе. И последствия могли быть. Мэр даже представил длинный трясущийся президентский палец на пухлой руке, высунувшейся из-за туч...

— Система тотальной секретности... — шептал он себе.

Самые любопытные зеваки разошлись *не сразу*. Поняв, что от них что-то важное скрыли, они, несмотря на угрожающие рожи полицейнерского оцепления, продолжали стоять и заглядывать в окна квартиры По Ивановича в надежде собственными глазами узреть или унюхать хоть какой-нибудь скандал.

Кое-что они всё же углядели, хотя и не поняли, что именно.

Несколько крепких ударов дубинкой вразумили самых длинноносых и острозорких.

Улицу оцепили полицейнеры в противогазах.

У всех, кто был с открытым лицом, внезапно начали слезиться глаза и чесаться носы. Чтобы не учихаться в усмерть, пришлось всем бежать подальше. Что тут же взвинтило цены на противогазы.

Этот газ приписали не проискам властей, а особой ауре тёти Розы. Которая наверняка задумала очередной гешефт, отчего и взорвала газовую бомбу.

Так первые меры безопасности немедленно превратились в первые сплетни. Власть распылила газ, народ распылил версию. И неизвестно ещё, что оказалось едучее.

И пока обыватель чихая и плача сбежал, под шумок тройственное телообразование укутали в разные покрывала и

увезли в больницу, где очень строго изолировали, а заодно и замаскировали.

Зеваки так и не поняли, что за предмет был погружён в автомобиль. Но как ни маскировали слипшихся несчастных во время вывоза из дома По Ивановича, всё же кое-что некоторые обыватели заметили, и по городу поползли жуткие слухи.

Поле для слухов и сплетен было вспахано так неуклюже, что парочка наших знакомых тут же нарисовалась и приступила к оранию, к пахоте...

Радио ОБС, или 2БС — одна бабка сказала, а в нашем городе, как известно, две, — заработало на полную катушку.

И вскоре искажённые версии происшествия взбудоражили городок.

2БС умудрились сесть в засаду и по пути следования кортежа унюхать завёрнутое в целлофан. Узнав запах парфюма тётки Розы, они сразу поняли, что скандал связан с её любовными похождениями. И слухи расползлись в мгновение ока...

Интерес подогревался именно тем, что слишком уж таинственно и неуклюже подошли к разрешению проблемы власти городка. Наверняка мэр и его советники решили, что столь уважаемые жители, как тётя Роза и По Иванович, не достойны того, чтобы обыватели знали об их проблемах.

Но сокрытие правды привело к закономерному эффекту. Любопытные граждане под предводительством Зиты и

Паразиты лезли всюду под любыми предложениями, пытаясь разнюхать хоть что-нибудь. Как только оцепление вокруг домов пострадавших было ослаблено, бдительные граждане полностью обшарили место происшествия. Ничего ценного, правда, не украли. Но уголовное дело по этому поводу всё равно завели. Даже два.

Больница, где содержались больные, непрерывно находилась в осаде: вокруг дежурили какие-то тёмные личности, журналисты и прочие охотники до чужих тайн. Закрытая палата четыре раза подвергалась нападению — слава богу, без применения оружия.

Проблема была лишь в том, что любопытные не готовы были платить. А те, кто готовы, были не любопытны и полученную информацию не распространяли просто так. Проникнуть и разнюхать не было проблемой, благо охрана была вполне лояльна к финансовым вопросам.

Зита и Паразита даже разбили палатку возле больницы. Радио ОБС они решили окончательно и переименовать в 2БС.

— О-фи-ци-аль-но! — кричали старухи, защищая свой межличностный бренд, будто Агентство по авторским правам, левам, верхам и низам уже выдало им документ на получение роялти.

Дыравый Сом как-то высказался о 2БС весьма метко:

— Они — наше кривое зеркало. Но дают они не столько кривду, сколько направление! Они как сороки: по-дурац-

ки суетливые, шумные, но полезные, ведь только внимательный понимает, на что они указывают. Просто надо не вестись на их интерпретации, а смотреть в суть! Две бабки соврали, другие переврали, третьи распространили, четвёртые пересказали, пятые вернули первым и полностью всё исказили... Схема отработана веками и пространствами, в каждом городе каждого поколения есть такие 2БС.

Именно поэтому Сом их не любил, но слушал. Отвратительный источник тоже может указывать на настоящую яму, если достаточно долго каркает или крикает над одним и тем же местом. Стасян же всегда удивлялся, как старый шаман отсеивал бред и сразу понимал, в чём главная суть очередной сплетни 2БС.

Официальная версия гласила следующее: группа террористов попыталась сорвать праздничные мероприятия, но полиционерия во главе с мэром им помешала. Тогда преступники захватили в заложники тётю Розу, её мужа и По Ивановича. Мэр самолично ходил на переговоры с бандитами и сумел договориться, чтобы к вечеру заложников отпустили. Самих же террористов полиционеры живыми взять не смогли: на захваченном вертолёте бандиты взорвались над океаном. Пострадавшие заложники находятся в больнице и проходят реабилитацию.

Неофициальные версии звучали куда страшнее или, наоборот, глупее.

Генератор слухов, сплетен и кривотолков работал на пол-

ную мощность.

Одним из самых распространённых слухов был тот, что сочинила Паразита: будто тётя Роза и её мужчины попали в суперклей, который разбрызгала у По Ивановича дома его бывшая любовница Маруся Шмурло, брошенная им неделю назад беременной. Что беременность, кстати, была выдуманная самой Марусей, добавлялось тут же. А клей этот ей подарили инопланетные партизаны, которые раньше прикидывались лепсами, но теперь Охотник Ё стал их стрелять, и они решили отомстить.

Надо заметить, что слухи об инопланетянах гуляли по острову чуть ли не со времён пылесосного приключения Ветхого Сыча, и любая сплетня рано или поздно перемешивалась с инопланетной лабудой.

Другой слух был уже не совсем слухом, поскольку оказался довольно близок к истине. Это была версия Зиты о невиданной болезни, при которой любовники намертво слипаются своими срамными местами. А о Тудоре Муфтовиче и вообще подумали, что он умер от разрыва сердца при виде источника кальция для своих рогов.

Третий из самых ходовых слухов Зита и Паразита сочинили уже совместно. Но сами в него не очень-то поверили. Слух этот гласил, что не три, а целых пять человек были съедены мистическим монстром, похожим на лепса, который извергся из чрева тёти Розы, причём чрево сие многие порядочные женщины и без того считали вратами инферно. Этот

дьявол во плоти якобы вырос в считанные секунды и уже готов был сожрать весь город, но подавился тётей Розой, которая застряла у него между зубов, а прибывший мэр со своими секретарями-телохранителями монстра уже добили насмерть.

Все эти слухи основывались главным образом на свидетельствах очевидцев, которым предстал ночной вывоз липняка. Кусочек этого монстра и его силуэт они будто бы успели заметить, что и вдохновило их на дальнейшую генерацию кривотолков.

Были и другие слухи — от тех, кто мало что видел. Эти уже совсем от истины ушли.

Тут было такое!..

И что мэр под предлогом борьбы с террористами решил прибрать весь город к рукам — что, кстати, в каком-то смысле было правдой. И что Тудор Муфтович застукал свою жену с самым мэром, а советников мэра — с По Ивановичем. И что из дирижабля людям на головы посыпался неизвестный порошок, который инопланетяне специально приготовили, чтобы извести весь род людской. И что прибывший из одной очень богатой страны проповедник оказался женщиной, за что и был обворован тётей Розой и По Ивановичем, а Тудор Муфтович поймал их на воровстве и пупочной оргии вместе с тем же полупроповедником.

Потом выяснили, что это был вовсе не проповедник, а обычный коммивояжёр, торгующий подушками, и просто

приехал за очередным товаром. И пришлось тому несчастному доказывать явившимся неофитам, что он ничего не проповедует и не может дать им нового смысла жизни, зато может продать партию подушек с лепсовым пухом. За что его тут же побили, обозвали полупроповедником и вытолкали взащей с острова.

Говорили и то, будто тётя Роза взбесилась и покусала всех мужиков, которые ей встретились по дороге, а потом обнажённая носилась по улочкам Научного городка, и тридцать три санитар и тринадцать шесть санитарок на мотоциклах с колясками никак не могли впихнуть её в смирительную рубашку.

Словом, шуму и толков было — не перечесть!

Любит народ наш всякий креатив...

Город не знал правды, но кружил вокруг неё, как пьяная муха вокруг липкой ленты.

Обеспокоившиеся местные журналисты пожелали осветить тьму событий. Но официального соизволения на то не воспоследовало. Зато Зита и Паразита — местное радио 2БС — тут же случились рядом, дабы вложить соответствующие слухи в уши всем журналистам. Они устроили свой вариант пресс-конференции — прямо у ворот больницы, где, предположительно, содержались пострадавшие.

Словом, сенсация созрела и начала шуметь. Или вонять как тот самый газ — кому как больше нравится.

Тем более, что информационная бомба Борзого, разо-

рвавшая СЕТИ чуть ранее, уже навела шороху и породила весьма пристальное внимание к Пипининскому архипелагу.

Мэр, со своей стороны, постарался спрятать всё, что можно. А заодно и всё, что нельзя. И всегда с душком чихания, слёз и государственной тайны.

Все тогда, так же как и мэр, почувствовали и унюхали признаки скандала, но почему-то почти никто даже не предположил, что это лишь начало полномасштабной катастрофы.

Двое — отнюдь не Зита с Паразитой — всё-таки поняли, что эти события стали началом целой цепи жутких необычностей, которые свалятся не только на этот островной городок, но, возможно, и на всю планету.

Одним был старик, которого в городе привыкли считать почти безобидным сумасшедшим. Другим — подросток, которому слишком рано стало интересно то, чего взрослому обывателю следовало бояться.

Дырявый Сом сидел в своей лаборатории. На столе перед ним лежали перья лепсов. Рядом — препараты клеток, баночки с образцами тканей, схемы, листы с записями, рисунки, заметки о поведении горожан, выписки по случаю в клубе, наблюдения по Лусии и ещё несколько бумажек, которые посторонний человек принял бы за мусор, а умный — за начало очень дурных выводов.

Сом сопоставлял.

Клетки, перья, мясо, контакт, поведение, изменение телесной чувствительности, смещение границ между индивидами.

В некоторых сочетаниях всё это давало просто бред, в некоторых — кошмар, лишь в одном-единственном — логику пугающую своими последствиями.

Сом отодвинул записи. Теперь надо было перестать ду-

мать.

Шаманский метод погружения, древний, допотопный, обычно вызывал у правильных учёных наибольшее возмущение. Интуиция и взаимодействие с коллективным бессознательным считалась ересью, но именно этот метод помогал шаманам совершать порой невероятные открытия. Количество шаманов было всегда ограниченным. И в отличие от иных аристократов архипелага они заслуживали свой статус не родством или цеховыми отношениями, а чем-то более тонким и уникальным.

Старик положил ладони на стол, прикрыл глаза и несколько раз медленно вдохнул. Шорох лаборатории стал отдаляться. Исчезли названия препаратов, номера образцов, клетки, перья, люди. Остались только связи.

Потом Сом почувствовал их иначе — словно все они находились в одной тёмной воде. Каждый сам по себе, но течение было общее. Где-то мелькали лепсы — быстрые, яркие, беспокойные. Они не создавали течение. Они будто только будили его.

Сом попытался погрузиться глубже. Там было что-то ещё. Древнее лепсов. И гораздо больше.

Он резко открыл глаза.

— Не причина... — пробормотал он и на полях схемы написал: «ТРИГГЕР?»

Именно в этот момент в лабораторию влетел Стасян — взъерошенный, запыхавшийся, с распечаткой статьи Борзого

в руке.

— Сом! Борзой выложил статью! Там такое...

— Уже вижу по твоей физиономии, что такое, — проворчал старик. — Я читал.

Он взял со стола распечатку, нацепил очки, которые всегда надевал в минуты особой тревоги. Лицо его не то чтобы изменилось — оно у него и без того было достаточно выразительным, — но как-то особенно помрачнело в бороде.

— Ну? — не выдержал Стасян.

— Ну, — ответил Сом. — Этот проныра, как всегда, сунул нос именно туда, куда не следовало, и потому, как всегда, оказался ближе к истине, чем все официальные лица вместе взятые. Он нашёл то, на что мы с тобой только-только вышли.

— Значит, это правда? Мы тоже все мутируем, как сосновитяне?

— Правда там не вся. Но достаточно. Для неприятностей — более чем достаточно.

Стасян шагнул ближе к столу и уставился на схемы.

— Ты всё сопоставил?

— Почти.

— И что получается? То есть это правда началось на Сосновом?

— Почти наверняка. Как вариант, это могло произойти на соседних, более мелких островах, типа Пьянолисьего или ещё где-нибудь...

Стасян хлопнул себя по коленкам:

— Я так и знал! А лепсы? Они же летают с острова на остров, они могли стать переносчиками?

— Рано делать выводы! Ещё далеко не всё понятно!

— Учитель, ты слышал о скандале с тётей Розой?!

— Да, безумные слухи!.. Зита с Паразитой всё время хотят друг дружку перещеголять — кто больше и безумнее нафантазирует. Там что, тётя Роза взбесилась и пыталась проглотить По Ивановича и собственного мужа заодно? Этот бред ты имеешь в виду?

— Ого! Слухи, как всегда, искажаются благодаря 2БС!..

— Что, таки это с Махно проблема?.. Не связано ли это, случайно, и с Охотником Ё?.. Нет? Ну, рассказывай!

Стасян на миг задумался об Охотнике Ё. Да, тот ведь тоже был замешан в лепсовой лихорадке, но в нынешнем скандале замечен не был.

Юноша рассказал то, что казалось наиболее достоверным, так как отец Стасяна Вован Карлович совершенно случайно наблюдал воочию липняка, как его обозвал свидетель Дон Батон. Поскольку По Иванович был братом Агнешки, она волновалась и искала его ещё с утра, и, конечно, оказалась в больнице раньше всех и там умудрилась услышать брата и увидеть кусочек его тела, выглядывавшего из крытых носилок.

— Учитель, ты много версий слышал? Что ближе к истине? Неужели это всё из-за лепсов?

Сом усмехнулся.

— Я слышал не всё, но полагаю, что реально произошло именно самое невероятное. Наверняка — самая неожиданная версия. Мои эксперименты тоже дают некий материал для прогнозов.

— Что они слиплись?

— Да... Эдакий коллективид образовали... Так что слух о слипании вполне может оказаться правдой. Коллективиды... Это сознание не индивидуальных существ, а коллективных. Есть два варианта: либо это реально, либо это наведённая фантазия...

— Как это?

— Мне бы не помешали образцы из больницы. Наведаюсь как-нибудь, попрошу доктора Пупельшнауцера помочь... Хотя его могут убрать подальше, он слишком честный и второй кандидат в городские сумасшедшие после меня! Или другой вариант. Они, — он показал пальцем вверх, а затем согнул его к северу, — пришлют кое-каких исследователей. Я уверен, что среди них окажется один мой знакомый. Хороший врач, но каменный, говорит птичьим научным языком. Хотя часто таким языком говорят, чтоб скрыть свою глупость, тут наоборот, он так умён, что просто не способен иногда говорить с простыми смертными. Но иногда он очень полезен. Шутили над ним в молодости: “доктор Ай, болит у меня, ай-яй-яй!” Но потом стал администратором... Теперь любит туману понапускать!.. Впрочем, он мне кое-

чем очень обязан. Это и будет наш шанс. Так что потерпим ещё день. Вооот! Ладно, сейчас надо понять происходящее. Пока нас всех не закрыли на карантин, надо успеть! Время пока есть. Впрочем, судя по действиям чиновников, карантин может вообще не случиться!

— Как так? А если все заболеют?

— Ты даже не представляешь уровня чиновничьей глупости и изобретательности, если надо уйти от ответственности!

— Так что за гипотеза?

— Рано говорить, — Сом помедлил, потом сказал: — Ты знаешь, эти события связаны: и то, что написал Борзой, и то, что у нас происходит...

— И ещё с тем, что тётя Роза и Охотник Ё начали эту охоту на лепсов! У меня тоже есть гипотеза. — торжествующе заявил Стасян. — Ты обратил внимание, что почти все версии так или иначе связаны с лепсами? По крайней мере — *намёками*... Лично меня это несколько напугало.

— Да, я тоже это предполагал! Если *ж* так... Ну что ж! Тогда будем ждать... Скоро грянет!..

— Сом, мы будем просто ждать?! Ты ведь едешь на Сосновый, я знаю!

Старый шаман строго взглянул в глаза Стасяна:

— Но откуда ты узнал?

Стасян рассмеялся:

— Так у тебя карта Соснового лежит на столе! И вот ты даже маршрут обозначил. Ты ведь не просто изучил статью

Борзого, ты изучил его материалы в СЕТИ.

— Что с тобой делать? — всплеснул руками Сом. — Ты будешь ждать здесь. Я еду сам. Там источник этой беды. Лепсы — лишь триггер! Знаешь, они только ускорили процесс. А сама эпидемия началась на Сосновом. Нужно искать первого пациента именно там. Но ещё есть шанс, что мы сможем исследовать и наших больных... Тебе *это*... Слушай, Стасян!.. А ведь ты, юноша, слишком уж озабочен всем происходящим!

— Я понимаю, что со стороны выглядит так, будто мне больше всех надо! Но судьбы людей в наших руках. Я это чувствую. Мы сможем найти то, чего никто не найдёт! Начнём именно с Соснового острова!

Дырявый Сом некоторое время задумчиво смотрел на Стасяна.

— Первый пациент или нулевой... — говорил старик. — Если он ещё жив, то в нём должна скрываться логика процесса: с чего началось, как шло, во что перешло. Такие вещи надо искать от первого звена, а не от тёти Розы. Иначе будем тыкаться, как слепые щенки в чужой сапог. Если это был мэр Потерянный (вот же говорящая фамилия!), то надо его найти.

— И ты мне ничего больше не скажешь?

— Скажу, — старик строго взглянул на юношу. — Если моя гипотеза верна, то мы имеем дело не просто с болезнью и не просто с мутацией. Это перестройка. Глубокая. Вот по-

тому я и говорю тебе: не лезь. Наблюдай. Для тебя сейчас это полезнее всего.

Стасян насупился:

— Я всё равно еду на материк. И если ты не возьмёшь меня с собой, я поеду один. А потом отправлюсь на Сосновый.

— С ума сошёл?! Что ты скажешь родителям?

— Я уже отпросился у мамы к тёте Маргарет на континент, а уже у тётки можно будет отпроситься куда угодно. Она милая и добрая, отпустит. Я ей что-нибудь навру, знаю к ней подход...

— Хм! — Дырявый Сом, задумавшись, снова стал почёсывать бороду. — Хм! Такой риск! Пойми, на Сосновом опасно! Я и сам рискую, а ещё тебя брать с собой! Нет! И вообще раз ты заговорил языком шантажа...

— Учитель! Я уже взрослый! Я могу сам за себя отвечать! Я умею за себя постоять! А вот тебя надо защитить! Ты не такой проворный, без меня ты там увязнешь! Банально застрянешь в каком-нибудь гроте или трясине!

Дырявый Сом задумался, молча буравя юношу взглядом. Зная авантюрную натуру Стасяна, старый шаман понимал, что этот бойкий парнишка вполне способен самостоятельно добраться до любого острова в архипелаге — зайцем, ужи-ком, мухой... Уж он придумает и как в игольное ушко пролезть, не становясь ниткой, и как пробить лбом стену, не становясь тараном. Однако покрывать безумство юного искателя приключений...

— Я мог бы сам тебе поставить жёсткое условие... — заговорил наконец Дырявый Сом. — Знаешь, я подумаю. Я не боюсь этой поездки, но у меня нехорошие предчувствия относительно той информации, которую мы там найдём...

— Ой! Мне уже дико интересно! — Стасян так заёрзал, что чуть не свалил с лабораторного стола оборудование.

Сом посмотрел на него тяжёлым взглядом:

— Вот именно это в тебе меня и тревожит. Когда юноше слишком интересно там, где взрослому уже страшно, это либо признак таланта, либо начало больших проблем.

— А у меня что?

— У тебя, — сказал Сом, — по закону жанра, скорее всего, и то и другое.

Он аккуратно сложил статью Борзого, сунул её в папку к записям и погасил лампу над столом.

— Завтра поговорим, я приму окончательное решение.

— Всё, бегу домой собираться!..

И Стасян умчался так быстро, будто за дверью его уже поджидали и приключение, и хитрые твисты сюжета, и билет в неприятности.

Сом остался один.

Некоторое время он стоял в темноте, положив ладонь на лабораторный стол. Потом очень тихо сказал в бороду:

— Только бы не опоздать...

Это сказка. Да, просто сказка. Образы, которые обычные человек обычно закапывает куда-нибудь поглубже в подсознание.

Это был не сон. Сон всё-таки принадлежит спящему. А эта сказка принадлежала... Кому же?

А вот тут и пригодится смекалка и дар исследователя Борзого.

Пока на Охотничьем острове граждане чихали, врали, нюхали, подозревали, слипались и никак не могли понять, террористы это, любовники или инопланетяне, Симеон Борзой на Сосновом острове занимался делом куда более серьёзным.

Он занимался расследованием. Причём не столь глубинным, что иначе как детективная сказка это было обозначить нельзя.

Сначала было странное пугающее событие, которое просто вылетело из головы. Затем — ощущение полноты бытия, слияния с чем-то неземным и прекрасным. Либо с чем-то приземлённым и ужасным?..

На сей раз...

...

Сказка.

Герои этой сказки:

Упырь Добрый.

Упырь Смирный.

Прекрасная Таинственная Дама.

Пёс.

Стая разного зверья.

Весёлое Никто.

Хнычущее Некто.

Борзой герой.

Корм и прочее невразумительное нечто.

Светлый образ.

Самый Важный Самый Главный.

Кто-то ещё.

...

Наш Борзой герой попал в эту сказку способом простым до безумия.

— Присоединяйтесь, господа!

И присоединились.

В какой момент он потерял своё “Я”?

Это произошло способом простым до безумия.

Светлый образ сказал Борзому:

— Не пей водичку — станешь козличком. А впрочем... отпей из ушата...

Он отпил, попробовал водицы — и угодил в колодезь.

А что есть колодезь, как не дверь в иной мир? Круглая дверь в потустороннее.

Вот и попал он в этот дом-недом, в этот мир-немир. И

выбраться нельзя, и не хочется — непонятно почему...

Так и сидел в Сказке.

Симеон пытался понять сюжет. Ему хотелось узнать, что будет дальше.

Правила тут просты.

Но они не зависят от твоей воли.

А что же тогда зависит?

И что делать?

Принять правила — это в моей воле. Принятие или непринятие — в моей воле. Понять, что нужно, а что нет. Понять из всего сущего. И к чему я тут. И кто я...

Держаться воли... Остатков воли... Остатков себя...

Ладно.

Хватит гонять философские бредни.

Пора вникать в сюжет. Такой, какой был, есть и будет. Такой, какой обычно диктует нам сказочник по имени Жизнь...

Хорошо, что понятен главный герой. Теперь надо понять и найти главный конфликт, антагониста, персонажей...

Сначала Симеон встретил Стаю разного зверья.

Разное зверье крутилось вокруг него в ожидании чего-то. — Покушать? — спросил Симеон.

Говорить Стая не могла. Она внушила положительный ответ.

— И чем я могу вам помочь?

«Отдай себя».

— Как это? — Симеон напрягся от странного и пугающего чувства. Чего ждать от Стаи?

«Все так делают».

— Кто — все?

«Те, которые тут».

— А кто тут есть?

«Покушать!»

— Ответишь — тогда я подумаю, дать или нет.

«Покушать!»

— Ответь: кто тут ещё есть?!

«Иди и смотри».

Стая обиделась.

И тогда Симеон наконец понял, что здесь не может быть агрессии. По крайней мере — такой, как в обычном мире. Законы сказочного мира каким-то забавным образом искажают реальность, и это даже интересно.

Значит, антагониста нет. Или он есть обратная сторона главного героя.

И тут, откуда-то сбоку, из-за шкафа, которого ещё секунду назад не было, вышел Самый Важный.

Или, может быть, Самый Главный.

А может, Самый Важный и Самый Главный одновременно. В этом месте такие различия почему-то не имели значения. Он был высокий, неподвижный, с лицом, которое всё время пыталось принять выражение государственной необходимости, но сбивалось на растерянность. На нём был сюр-

тук, мантия, китель, халат, плащ, жилет, передник и ещё что-то такое, что обычно носят люди, давно потерявшие собственное тело среди должностных инструкций.

— Вы кто? — спросил Симеон.

— Я? — удивился Самый Важный. — Я самый.

— Самый кто?

— Самый важный.

— А фамилия?

— Главный. Самый Главный!

— Это должность?

— Это сущность! — обиделся тот. — Не мешайте административно-хозяйственному процессу. Пройдите в мой кабинет! Приходится самому себе быть секретарём! А то кадровая политика, как всегда хромает! Нету подходящего кадровика! Ужас просто!

Пришлось пройти в кабинет.

Кабинет оказался сразу за дверью, хотя до этого за дверью, кажется, был коридор, а до коридора — ещё одна дверь, ведущая в приёмную, которой никто не пользовался, потому что Самый Важный, как выяснилось, сам себе был секретарём, начальником канцелярии, кадровиком, завхозом, архивариусом и недовольным посетителем. Кабинет был огромный, но тесный. Не от мебели даже, а от важности. Важность стояла там слоями: на шкафах, под шкафами, за шторами, в ящиках, на ковре, в углах и даже на подоконнике, где лежаладохлая муха с припиленной к ней бумажкой «Временно

исполняющая обязанности».

Посреди кабинета стоял стол — тяжёлый, распухший, как будто его много лет кормили заявлениями, докладными и чужими просьбами. На столе громоздились папки: «Срочно», «Очень срочно», «Вчера», «Потеряно», «Найти», «Не трогать», «Трон», «Не трон», «Важнейшее», «Главнейшее», «Самое важное, но куда-то делось». Рядом лежали печати без ручек, ручки без чернил, чернила без смысла, три колокольчика для вызова самого себя и табличка: «Без доклада не входить. Докладывать некому». За столом виселось кресло, пока ещё не трон, но уже с такими намерениями, что Симеону стало неприятно.

Стены кабинета были увешаны картами. На одной карте остров был разделён на округа. На другой — округа делились на подокруга. На третьей — подокруга делились на особо ответственные пустоты. На четвёртой вообще ничего не было, но Самый Важный погладил её с гордостью и сказал, что это стратегический план невидимого развития. В углу стоял шкаф с надписью «Кадры». Из шкафа доносилось слабое шуршание, будто там кто-то давно хотел быть назначенным, но не знал, кем именно.

Самый Важный сел за стол, потом вскочил, обежал его, поклонился самому себе как секретарь, снова сел, строго посмотрел на Симеона и только тогда спросил:

— Вы прибыли по поручению?

— По какому ещё поручению?

— По важнейшему. И главнейшему. У меня всё записано. Где-то. Было. Потерялось. Но если потерялось, значит, стало ещё важнее. Потому что простое не теряется. Теряется только самое главное.

Симеон посмотрел на него внимательнее и подумал: «Потеряшка какой-то. Заблудился бедняга в собственном кабинете... Или в подсознании?..»

Последняя мысль как-то скользнула и тут же потерялась. Самый Важный вдруг вздрогнул, будто услышал эту мысль.

— Я ничего не потерял! — крикнул он. — То есть потерял. Но не всё! Только самое главное. Самое важное! А без самого важного невозможно управлять остальным. Потому вы обязаны найти.

— Что найти?

— То, без чего нельзя.

— А что именно?

Самый Важный величественно развёл руками:

— Если бы я знал, что именно, я бы не поручал это вам.

После этих слов вокруг них выросла комната. Потом вторая. Потом коридор. Потом приёмная. Потом зал ожидания. Потом стол справок. Потом стол жалоб. Потом стол, куда жалобы возвращались после справок. Потом ещё три двери, на каждой из которых висели таблички: «Не входить», «Входить по разрешению» и «Разрешение получить там, куда входить нельзя».

Симеон хотел сказать, что он журналист, а не служащий этого безумного самовоспроизводящегося учреждения. Но вдруг почувствовал странное: если он сейчас не ответит правильно, его сочтут некомпетентным. А быть некомпетентным перед этим нелепым, потерянным, важным существом почему-то оказалось почти постыдно.

— Я проведу расследование, — сказал он.

Самый Важный просиял.

— Вот! Правильный человек! Я сразу понял. У вас лицо отчётное. Пойдёте туда, не знаю куда. Найдёте то, не знаю что. Оформите в трёх экземплярах. Один мне, один в архив, один потерять для важности.

— А что искать-то?

Самый Важный наклонился к нему и прошептал:

— Большой Трон.

Слово «трон» прозвучало так, будто где-то глубоко под домом-недомом повернулась тяжёлая мебель, давно считавшая себя государством.

Память прошептала герою странные слова: Сфинктель, Жопель, Пендель...

Симеон даже замер, пытаясь ухватить эти обрывки памяти, которые так плотно ассоциировались с этим Самым Важным...

Но память тут была чуть ли не самым ненадёжным явлением.

Вся эта реальность как сон. Из которого, правда, нет вы-

хода.

И в тот миг, когда Симеон это осознал, что-то защемило у него в груди. Осознать само это чувство он не смог. Но, как бы там ни было, нужно было искать выход...

Хотя как найти выход... из себя?..

Разрешить это противоречие он оказался не в силах. Он не мог вспомнить, что же было... Что же было раньше?

До того, как он оказался в этом доме-недоме...

Само осознание того, что было что-то до этого, оказалось болезненным.

Почему так тяжело?..

— Не думай об этом. Нам больно, — Упырь Смирный явился, как чёрт из коробочки.

Симеон знал, кто это.

Откуда?

Неизвестно.

Вопроса «кто?» больше не возникало.

Было ли это прозрением — или, наоборот, помрачением, — сказать было трудно. Но говорить больше не было ни нужды, ни смысла.

...

Симеон увидел лес.

Лес как лес.

Корм и прочее невразумительное нечто болталось под ногами, даже не претендуя на самостоятельность. Это следовало исправить.

Что и было незамедлительно сделано.

Напоследок он увидел свою руку, которая оказалась настолько чужой и чужеродной...

...

— А о чём же думать?

— О нашем единстве. Это приятно и не больно... Спи!

И герой прилёг на подушку, в подушку. Она обняла его, окружила его, приняла в себя. Симеон ощутил себя крохотным пёрышком в этой бескрайней подушке, где миллионы пёрышек и пушинок сливались в нечто единое, окунающее в сон, в негу, в дрему...

Это и впрямь было приятно.

И Симеон слился в единстве, проникшись стремлением слиться со всем сущим...

Правда, сущее было ещё не слито с ними...

...

Часть 2. Наистраннейшая болезнь

1

Когда президенту Попусу Попонидису донесли, что произошло на Охотничьем острове, он поначалу впал в прострацию. Почему-то особенно его насторожило то, что в его администрации всерьёз занимался этой проблемой господин Инкогнитто.

На борьбу с этим феноменом из столицы на Охотничий остров были срочно направлены трое мировых светил медицины: Аюшек Болин, Мёд Двулитр и Вот Сонин — три академика и доктора медико-биологических наук. Они пафосно прибыли в Сарай утром после празднования Дня Пылесоса, сразу же явились в больницу и взялись за дело.

Академики должны были основательно изучить и осветить проблемный вопрос, рассмотрев все подробности, особенно слипшиеся места. Светила медицины надолго закрылись с феноменом в палате, забаррикадировавшись так, чтобы никто не проник в тайны их консилиума. Из-за дверей раздавались громкие хихиканья, вздохи и даже вопли. Причём вопили не пациенты — их бы по голосам опознали.

Пресса, разумеется, пронюхала об этом и уже караулила у дверей больницы. Но лишь вечером одно из светил науки, Мёд Двулитр, почтило их вниманием.

Однако вместо освещения получилось так, что сей учёный муж напустил такого жуткого тумана. Он говорил много и

красочно, патристично и пафосно, насыпал горы терминов, противоречащих один другому...

Представителям прессы, как обычно, пришлось самим всё додумывать, придумывать и фантазировать, дабы из тумана слепить не снежную, а хотя бы туманную бабу.

Светила же медицинской науки обозвали это явление «феноменом адгезивных клеточных структур» или «синдромом приобретённой соматопагии». Кое-что уже из самих этих названий становилось понятным, а туман таинственности сгущался как раз тогда, когда очередное светило медицины хотело внести ясность и кого-нибудь просветить.

Может, с тех пор и повелось называть таких учёных темнилами науки.

В жёлтой прессе и её читатели — простые граждане мещанского сословия сей феномен называли «липучкой». Так и осталось.

Каких только гипотез о причинах не напридумывали наши темнили науки!

Академик Вот Сонин, предположил, что причина кроется в неких геотермальных источниках, расположенных прямо под домиком тёти Розы, и добавил, что употреблять воду из источников на острове, а также вообще находиться рядом с ними, строго воспрещается.

Аюшек Болин разгромил первую гипотезу в пух и прах, заявив, что всё дело в особом климатическом устройстве острова.

Мёд Двулитр, в свою очередь, объявил, что коллеги его то ли недоумки, то ли недоучки, а причина возникновения синдрома сиамских близнецов не единична. Причин тут много, в том числе и те, о которых говорили предыдущие.

На все эти гипотезы тут же отреагировали несколько ещё более маститых темнил науки — из столицы и даже из-за границы. Сразу появились и версии об инопланетных влияниях, и о незаконных разработках спецслужб в области скрещивания вирусов и простейших организмов, и даже промелькнула гипотеза о связи болезни с генетикой лепсов.

Учёного, предложившего последнюю гипотезу, обругали с ног до головы. Особенно в этом поучаствовала наша троица темнил медицинской науки.

Тот учёный замолчал. И плюнул на эту тему совсем. Хорошо хоть не плюнул на науку.

И продолжалось бы всё это ещё долго, если бы не события, произошедшие уже на следующий день.

Кстати сказать, наши темнили тут же засели за написание книг на эту тему. Причём именно тогда, когда феномены «липучки» начали повторяться.

Старый шаман не первый раз говорил с горьким юмором: — Птичий язык у них уже заменил знание. Жаль, конечно, но... Не ругайте учёных за глупость! Они просто защищаются терминами своего научного птичьего языка от ужаса. Страх самого феномена и страх разоблачения его неве-

жества. А чем страха больше, тем мудрёнее названия и формулировки.

Дырявый Сом, впрочем, терять время на научные обиды, журнальные подянки и академическое пупкомерство не собирался. Он почти сразу нашёл того самого оплёванного учёного.

Учёного звали доктор Ай.

Вернее, официально его звали, конечно, не так. Официально у него были имя, отчество, фамилия, должность, учёная степень, ещё одна учёная степень, несколько комиссий, три подкомиссии, два международных совета, один закрытый комитет и такая биография, что даже сам доктор Ай иногда боялся её перечитывать без свидетелей. Причём всё это не публично, разве что в присутствии его куратора — всё того же Инкогнитто.

А для Дырявого Сомы он с давних времён оставался просто доктором Ай, над которым в молодости шутили:

— Доктор Ай, болит у меня, ай-яй-яй!

Потом шутить перестали. Он просто оказался слишком близок к некоторым государственным тайнам. А возле государственных тайн даже самые весёлые люди начинают говорить шёпотом и даже кашлять оглядываясь по сторонам.

Встретились они не в больнице. Доктор Ай сам назначил место: старый павильон возле заброшенного соляного склада, где когда-то торговали лечебной грязью, потом контрабандными устрицами и охотничьими трофеями, потом по-

душками с подозрительным пухом, а теперь тётя Роза слегла, и торговля как-то подзавяла в один миг.

— Ты постарел, — сказал Дырявый Сом, когда доктор Ай вынырнул из тени.

— А ты всё ещё похож на человека, которого нельзя пускать ни в одну приличную лабораторию, — ответил Ай. — Значит, оба сохранились.

Они не пожали друг другу руки, а сразу обнялись. Хотя столичный доктор и проявил сухость, но воспоминания о бурной молодости всё-таки слегка смягчила его сердце.

Доктор Ай был сух, прям и говорил так, будто каждое слово перед выходом изо рта проходило санитарный контроль и ещё один небольшой консилиум на предмет государственной измены и разглашения особо секретных сведений.

— Ты написал глупость? — спросил Сом.

— Какую именно? Я их много написал, служебная необходимость.

— Про лепсов.

Ай помолчал. Потом посмотрел не на Сому, а куда-то в сторону, где за дырявым забором темнели кусты:

— Я ничего не писал про лепсов.

— Конечно. Это написал другой учёный. Которого потом дружно обгадили.

— Тем более я ничего не писал.

— Не будем искать заслуги или ошибки.

Доктор Ай снова помолчал.

— Думать пока не запретили, — сказал он. — Хотя уже обсуждают регламент.

Сом усмехнулся.

— Значит, лепсы всё-таки связаны?

— Всё связано, если достаточно долго смотреть на схему, — осторожно ответил Ай. — Вопрос в том, что считать причиной, что переносчиком, что катализатором, а что удобной ширмой для тех, кто когда-то напуршил, а теперь делает вид, что это естественная эволюция островной фауны.

— Напуршил кто?

— Не задавай вопросов, на которые нет санкционированных ответов.

— Сосновый?

Ай резко поднял глаза. На этот раз он не стал шутить:

— Тише.

— Здесь никого нет.

— Вот именно это всегда и беспокоит.

Он достал из внутреннего кармана маленький металлический футляр, завернутый в несколько слоёв медицинской плёнки. Футляр был такой стерильный и такой неприметный, что сразу становилось ясно: внутри находится что-то либо совершенно бесполезное, либо крайне опасное.

— Образец из больницы, — сказал Ай. — Не спрашивай откуда.

— От Махно.

— Я сказал: не спрашивай. И даже не утверждай!

— Значит, от всех троих.

Ай не ответил. И этим ответил.

Дырявый Сом взял футляр двумя пальцами:

— Щедро!

Доктор Ай снова оглянулся.

Сом заметил это:

— Ты боишься Инкогнитто? — почему-то шёпотом спросил он.

— Инкогнитто не тот человек, которого боятся, — сухо сказал Ай. — Его учитывают. Как температуру, гравитацию и направление ветра.

— Он курирует это дело?

— Он курирует всё, что потом оказывается, что никто не курировал.

— Очень содержательно.

— Я стараюсь говорить так, чтобы ты понял, но чтобы меня нельзя было процитировать.

— Поздно. Я уже мысленно процитировал.

— Тогда мысленно и сядешь.

Некоторое время они молчали.

Снаружи заскрипел лист железа. Оба сразу повернули головы. Никого не было. Только ветер, старый забор и какая-то тощая птица, слишком быстро скрывшаяся за крышей склада.

Они устроились так, чтобы никто не смог бы подслушать их. Ай был всегда чуть параноидальным, потому Сом не спо-

рил с ним.

Он спрятал футляр и спросил:

— Если ты так нелоялен к этим вашим высшим кругам, то как же они тебе поручают столь сложные вопросы, как угроза эпидемии?

Доктор Ай усмехнулся впервые за весь разговор:

— Есть у них одно правило. Лояльных ставят на должности медийные или бюджетораспределительные. Чтобы они улыбались, открывали конференции, говорили «ситуация под контролем» и вовремя кивали в нужную сторону. А всю настоящую работу делают нелояльные профессионалы. Типа Борзого. Или меня. Или тебя, если бы ты был хоть немного пригоден к служебной дисциплине.

— То есть они всё-таки понимают, что без профессионалов всё развалится?

— Они понимают, что без профессионалов развалится слишком быстро. А им нужно, чтобы разваливалось управляемо, красиво и с отчётом.

— Борзой тоже был их профессионалом?

— Борзой был их проблемой, которую иногда использовали как инструмент. Это разные вещи.

— А сейчас?

— А сейчас инструмент пропал вместе с руками, которые его держали.

Сом нахмурился.

— Он живой?

— По слухам, его группу выкрали представители страны, пожелавшей остаться неизвестной. Не станем и мы называть. Вдруг она стеснительная.

— С группой. Это хорошо, а то самому там сложно справиться. Что там за обстановка на Сосновом?

— То карантин, то не карантин. Будто разные волосистые никак не могут определиться с действиями.

— А Борзой?

— Борзой дошёл слишком далеко.

— До первого пациента? Судя по его статье, очень похоже, что это мэр.

Доктор Ай наконец посмотрел на Сому так, будто тот не спросил, а открыл запрещённую дверь.

Сом некоторое время смотрел на старого знакомого, потом тихо спросил:

— Что там произошло?

Доктор Ай снял очки, протёр их краем рукава, снова надел. Выглядел он так, будто выбирал между дружбой, страхом и инстинктом самосохранения, причём все три варианта казались ему одинаково неудачными.

— Три полковника, — сказал он наконец. — Три очень умных полковника. А когда три очень умных полковника собираются вместе, природа обычно начинает писать заявление об увольнении.

— Что они сделали?

— Они хотели контролировать контакт.

— С кем?

— С тем, что не следовало вообще называть. Они и не называли, они просто освоили. Не получилось.

—

— А лепсы?

— Лепсы появились позже. Или раньше. Или сбоку. Я не знаю. И никто не знает. Вот в этом и проблема. На Сосновом после всё стало происходить не совсем в нормальной последовательности.

Сом остановился:

— Значит, Инкогнитто знал?

— Инкогнитто знал достаточно, чтобы ничего не знать официально. Это его талант.

— Он был на Сосновом?

— Разумеется, я не знаю!

— Проверить, не вылезло ли то, что не называли.

Ай посмотрел на футляр, спрятанный у Сома:

— А ты как думаешь?

Сом помолчал.

— Я собираюсь на Сосновый.

— Нет.

— Это решено.

— А это не совет. Это медицинское предупреждение, научное предупреждение, человеческое предупреждение и, если хочешь, последняя попытка старого друга не дать тебе сунуть голову в пасть, которая ещё не решила, зубы у неё или

крылья.

— Ты драматизируешь.

— Я недоговариваю.

Эта фраза прозвучала опасно.

Сом впервые за разговор отвёл глаза. Но не испугался.

— Там есть доступ? — спросил он.

— Люди возвращаются не всегда. Те, кто возвращаются, иногда будто не вернулись целиком.

— Что это значит?

— То и значит.

— Ай, я всё равно поеду.

— Знаю.

— Тогда зачем отговариваешь?

— Чтобы потом, если выживешь, ты не сказал, что тебя никто не предупреждал.

Сом тяжело вздохнул:

— Что мне искать?

Доктор Ай будто ждал этого вопроса и боялся его одновременно.

— Не центр. Центр тебе покажут. Всегда показывают центр, чтобы ты не заметил край.

— Край чего?

— Там, где всё начиналось не как эпидемия, а как эксперимент, наблюдение, контакт или как ещё они это называли в зависимости от настроения и финансирования.

— Кто “они”?

Ай не ответил.

Сом понял.

— И ещё, — Ай понизил голос. — Не верь тем, кто будет утверждать, что Борзой работал на них. Борзой работал против них, даже когда выполнял их поручения. Поэтому они его и терпели. Хотя до сих пор теряюсь в догадках, почему он опубликовал все эти материалы, зачем и в чьих интересах!

— Ты стал таким параноиком, что теперь везде ищешь подвох и чью-то выгоду.

— Я знаю свой диагноз, друг мой! Жаль, что остальные не знают свои...

Сом скривился. Зря он уколол этого сложного человека.

— А личный агент Инкогнитто на острове? — спросил Сом. — Ведь такое впечатление, что там все идиоты!

Доктор Ай почти улыбнулся, понимая, что имеет в виду Сом.

— Был. Он не из чиновников.

— Был?

— Слился.

Сом медленно поднял брови.

— Да ладно! Неужели сама наша славная Мах...

— Ша, — резко оборвал Ай. — Я тебе ничего не говорил.

— Ты вообще сегодня удивительно мало говоришь для человека, который выдал мне образец, Сосновый, Инкогнитто, высших офицеров и почти назвал Розу агентом.

— Вот именно поэтому я сейчас уйду и сделаю вид, что

вообще не знаю никакого старого шамана! — Ай и правда сделал шаг в сторону выхода.

— Подожди. Последнее!

— Последних вопросов у тебя всегда семь.

— Что страшнее: болезнь или то, что на Сосновом?

Ай даже задумался на секунду, потом усмехнулся:

— Болезнь хотя бы не делает вид, что она государственная необходимость.

После этого он развернулся и пошёл к выходу из павильона. У самой двери остановился, спросил вполоборота:

— Сом.

— Что?

— Если найдёшь Борзого — не верь сразу тому, что он будет помнить.

— Почему?

— Потому что память там липнет не хуже кожи, — и Ай вышел.

Сом остался в старом павильоне один. В кармане у него лежал металлический футляр с больничным образцом. В голове — агент президентской вертикали Роза Махно, Сосновый остров как источник мутадемии, Инкогнитто со своими интригами, три пропавших полковника, пропавшая группа Борзого и слово, которое доктор Ай запретил произносить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.